

*Она хочет его исправить.
Он думает, что между ними
всего лишь игра*

*Мой
хулиган*

АЛЕНА ЧЕРНИЧНАЯ

Алёна Черничная
Мой хулиган
Серия «Trendbooks»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69736696

Мой хулиган: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2023

ISBN 978-5-00211-287-6

Аннотация

Что делать, если один красавчик отверг твои чувства, а другой решил посмеяться над этим? Заставить первого пожалеть об отказе, а второго сделать своим парнем... понарошку. Макс Ольховский – бэд-бой и избалованный богатый красавчик. Идеальный парень напрокат! Чем обернется сделка, цена которой – любовь? Говорят, у каждой хорошей девочки должен быть свой хулиган, который разобьет ей сердце вдребезги. Пора это проверить!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	45
Глава 5	55
Глава 6	65
Глава 7	80
Глава 8	95
Глава 9	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Алена Черничная

Мой хулиган

У каждой хорошей девочки должен быть свой хулиган.

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

Иллюстративные элементы в книге использованы по лицензии © Shutterstock

Иллюстрация на обложке использована по лицензии © Shutterstock

Глава 1

Макс

Холодно. Сыро. Ветер треплет в поздних сумерках несчастные деревья, которые недавно обросли зеленой листвой. Но я уверенно сворачиваю с основной аллейки парка и достаю телефон из кармана джинсов. Разблокировав экран, захожу в приложение «Зачета. нет» и пишу в анонимный чат своему собеседнику:

Аноним777 [23.05. 20:55]: *«Я почти на месте».*

Аноним1301 [23.05. 20:56]: *«Хорошо».*

Аноним777 [23.05. 20:57]: *«Мне просто положить конверт и уйти?»*

Аноним1301 [23.05. 20:58]: *«Да. Под третьей лавочкой. Как только я буду знать, что конверт на месте, то пришлю варианты билетов и ответы к ним».*

Аноним777 [23.05. 20:58]: *«А может, я просто отдам тебе деньги в руки и дело с концом?»*

Аноним1301 [23.05. 20:59]: *«Нет. Никаких личных контактов. Мы же договорились. Так надо».*

Цокаю языком и пишу:

Аноним777 [23.05. 21:00]: *«Ок. Но попробуешь обмануть, из-под земли достану».*

Это все странно. И как этот Аноним1301 узнает, что день-

ги действительно в конверте и сам конверт доставлен? Проследит за мной?

На что только не пойдешь, чтобы мечта жизни все-таки стала реальностью. Четыре года назад меня записали учиться на факультет прикладной информатики в экономике. Именно записали. «Это престижно. Это востребовано», – все повторял мой отец, когда привез меня в этот университет отдавать документы.

А я рисовать хочу. И всегда хотел. До шестого класса простая художественная школа. Потом пристрастился рисовать на графическом планшете – и понеслось. Одни онлайн-курсы за другим проглатывались мной только так. Скетчи, художественные иллюстрации, комиксы... А однажды я нашел на форумах в интернете крутые отзывы о какой-то Калифорнийской студии современного искусства. Всего полгода обучения там – и ты подтягиваешь свои знания в иллюстрации до уровня американского художника комиксов Джима Странко. Я собирался и дальше учиться в этом направлении, но все закончилось в одиннадцатом классе, и начались скандалы, которые и привели меня сюда, в парк.

На всякий случай я осторожно осматриваюсь из-под капюшона толстовки, натянутого практически на нос. Вокруг все так же пусто и мерзопакостно сыро. И мерзну я сейчас под противным майским ветром не по своему желанию. Всему виной дурацкая эконометрика, А. Б. Гольцман и чудо-приложение «Зачета. нет».

Неделю назад была моя вторая пересдача. Еще с прошлого семестра я пытаюсь добиться в своей зачетке надписи: «Эконометрика – удовлетворительно». Мне большего и не надо. Я не самый прилежный студент, но все всегда решалось без проблем. Многие просто в курсе, кто мой отец. Его бизнес очень тесно сотрудничает с моим университетом, предоставляя студентам места для практики, а выпускникам – места рабочие. Никто не хочет со мной связываться. Но только не Аркадий Борисович Гольцман. Ему плевать на мою фамилию и моего отца. Аркадию Борисовичу интересно только одно – нудная эконометрика, пары которой я в прошлом семестре так и не посетил. Ну не мое это – цифры, статистика... Жуть!

Короче, я влип. На итоговую пересдачу Гольцман не дал мне даже примерных билетов. Увижу я их лишь на самом экзамене. Он принципиально решил завалить меня. И как я за пару недель должен вы зубрить весь учебник и прийти с этими знаниями на пересдачу?

И я уже начал думать о том, как рушится моя мечта об Америке, но на помощь пришло великое изобретение студентов нашего вуза. Приложение, где полностью анонимно можно получить и загрузить любую информацию, касающуюся зачетов и экзаменов: готовые дипломы, курсовые и прочие студенческие радости – «Зачета. нет».

Именно там через неделю после регистрации мне попалось объявление от некоего Анонима1301: «Билеты с отве-

тами по эконометрике». Да я от радости визжал, как девчонка.

Пару часов переписки, и готово. Я в темном парке, один, несу в конверте смешную сумму за то, чтобы наконец сдать экзамен. Правда, где-то внутри меня все же сидит мерзкая червоточинка. Оплата только наличными, никаких встреч... К чему такие сложности? Но шпоры по эконометрике мне нужны гораздо больше, чем ответ, кто является этим странным анонимом.

Так я и оказываюсь в отдаленном закоулке парковой зоны после девяти вечера. Одинокий фонарь метрах в десяти, и абсолютно пустынно вокруг. Я, конечно, не переживаю, но жалею, что бита осталась в багажнике моей машины за воротами парка. Все вокруг уже напрягает. Но я послушно подхожу к той самой третьей лавочке и достаю из внутреннего кармана куртки конверт.

Сбросив с головы капюшон толстовки, оглядываюсь. Никого. Мысль о том, что, вероятнее всего, где-то за мной следят, пробегает по спине неприятной волной. Можно подумать, я снимаюсь в остросюжетном триллере.

«Придурок ты, Макс, а не герой блокбастера», – неодобрительно качаю головой, но все-таки опять лезу в приложение телефона – написать Анониму1301, что все готово. Только он меня опережает.

Аноним1301 [23.05. 21:03]: *«Сделка отменяется.
Деньги забирай».*

– Чего?! – Мой возглас разносится по темным аллеям.

Аноним777 [23.05. 21:03]: *«В смысле?»*

Аноним777 [23.05. 21:03]: *«Какого лешего?»*

Аноним777 [23.05. 21:03]: *«Мы же договорились»,*

– тут же отправляю в чат три сообщения подряд.

Испепеляю глазами экран телефона, но глухое «дзынь» где-то позади себя сразу же привлекает мое внимание. Следом еще одно... а потом и еще... Три одинаковых «дзынь». Оборачиваюсь на звук и всматриваюсь в линию живой изгороди вдоль аллеи. Прищурившись, вылавливаю взглядом резкое движение за кустарниками. И это точно человеческая фигура, которая пятится в глубь парка. Несколько секунд я смотрю на нее в упор. В моей голове щелкает: вот и Аноним1301 собственной персоной. И сейчас, похоже, кто-то огребет...

– Эй! А ну стой! – Я срываюсь в сторону фигуры за изгородью.

И этот кто-то сам бросается наутек. Я в два шага перепрыгиваю клумбы и несусь наперерез тому, кто, видимо, и устроил весь этот цирк со встречей в парке. Всплеск злости и адреналина в моих венах срабатывают как топливо. Мне хватает нескольких секунд, чтобы догнать бегуна на выходе из парка и оценить его физическую форму со спины. А точнее, полное ее отсутствие: черная толстовка с капюшоном облегает худое тело, а черные джинсы – не менее худые длинные ноги.

Одним рывком успеваю ухватиться за капюшон этого спринтера и со всей дури дергаю его к себе. И я готов услышать что угодно: мат, ор... Готов к любым попыткам сопротивления. Но по пустому парку разносится лишь испуганный писк.

Худощавое тело легко влетает в мою грудь, ударяясь об меня спиной. Бегун собирается рухнуть к моим ногам. Я успеваю перехватить его в полете и резко повернуть к себе лицом.

– Попался, ушлепок, – произношу со злорадством и срываю капюшон с чужой головы. – Решил выставить меня идиотом?

Но через секунду я теряю дар речи. Потому что по худым плечам бегуна рассыпается каскад темных локонов, а на меня растерянно смотрят огромные голубые глазищи. Как у Бемби... И я знаю эти глаза...

– Синичкина? – удивленно хриплю я. – Какого черта?

– Пусти! – шепчет она в ответ.

Я настолько удивлен увиденным, что так и застываю на месте, когда она делает резкий рывок в сторону и бежит от меня со всех ног. Со сбитым дыханием и бешеным пульсом смотрю на то, как ее силуэт скрывается за коваными воротами парка и исчезает в сумраке соседних дворов между домами. А перед моими глазами все еще стоит ее взгляд...

Вот это поворот событий!

Глава 2

Макс

(Несколькими неделями ранее)

Бла-бла-бла – примерно так я слышу речь преподавателя, которая вырисовывает на доске мелом десятки каких-то жутких иероглифов.

Мои одноклассники старательно переписывают все себе в тетради – ведь на носу выпускной экзамен, – но только не я. Я занят тем, что сосредоточенно вывожу последние штрихи на плаще супергероя, который улетает в раскрытое окно аудитории, держа на руках того самого преподавателя, Тамару Ивановну, как раз говорящую сейчас с кафедры. На моем рисунке у нее счастливая улыбка, а вокруг порхают цифры с крылышками и сердечки. Жаль, что это всего лишь рисунок...

– О, это Тамара Ивановна? – тихо спрашивает сидящий рядом Антоха и заглядывает мне через плечо.

– Угу, – бурчу себе под нос, старательно закрашивая карандашом край плаща у супергероя.

– Круто. Очень похоже, – хмыкает Тоха и тычет пальцем в мой лист. – А это ее уносит Капитан Математика?

Недовольно отодвигаю ладонь друга. Мешает же.

– И-мен-но, – произношу медленно и по слогам. До завер-

шения рисунка осталось всего несколько движений карандашом. – В край эмпирических функций и полигонов частот.

– Кстати, ты приложение скачал? – Тоха таинственно понижает голос до едва различимого шепота.

Обвожу грифелем крылышки на цифрах. От старания даже кончик языка прикусываю. И только закончив с крыльями, отвечаю тоже шепотом:

– Скачал. Но еще не ничего не искал в нем.

– Крутая штука. Тот, кто придумал «Зачета. нет», просто гений. Жаль, что его запустили всего месяц назад. Я бы все четыре прошедших курса не вылезал бы оттуда. Там есть все. Даже ответы на государственный экзамен. Тебя точно это спасет.

Отодвигаю от себя рисунок. Наклоняю голову и смотрю на него под другим углом. Готово! Так о чем там Антоха? Об экзаменах и приложении?

– Мне не нужны ответы на государственный экзамен. Мне нужна эконометрика, – тоскливо вздыхаю я, косясь на друга. – Если это дело не выгорит, то не видать мне Калифорнии как своих ушей.

А Тоха уже схватил лист с рисунком и толкает в спину впереди сидящего одnogруппника. Тот сразу же оборачивается.

– Серый, поржать хочешь? – Антоха машет моим рисунком у него перед лицом.

И через пару минут лист с моим шедевром расходится по

рукам. Бубнеж преподавателя теряется в смешках и хихиканье, распространяющихся со скоростью света. Откинувшись на спинку стула, я самодовольно улыбаюсь и скрещиваю на груди руки, наблюдая, как мой рисунок передается от парты к парте. Ну очевидно же, что мое предназначение – дарить людям позитивные эмоции своим творчеством. Улыбаются даже наши заядлые ботанички. Только, как и мой отец, Тамара Ивановна моего мнения не разделяет.

– Я говорю что-то смешное?! – Она повышает голос, а потом замечает кочующий из рук в руки лист. – Это что там у вас? А ну-ка показали мне. Может, я тоже посмеюсь?

Черт! Простите, Тамара Ивановна, но смешно вам не будет. И я оказываюсь прав.

– Ольховский! – Моя фамилия гневно разносится по аудитории, в которой сразу становится тихо. Поморщившись, я медленно сползаю по груди под парту, прячась за пышной шевелюрой впереди сидящего Сереги. – Опять ты рисуешь на паре! Здесь консультация по государственному экзамену, но никак не творческая мастерская! А ну пошел вон отсюда!

– Но, Тамара Ивановна... – выдавливаю из себя жалобный стон, все еще не рискуя выглянуть из-за одноклассника.

– Вон, я сказала!

Вздохнув, я лениво поднимаюсь на ноги, а Антоха сидит и виду не подает. Уставился в свою тетрадь, будто бы это все не из-за него случилось. Бросив быстрый взгляд на друга, кидаю в него карандаш, забираю висящий на стуле рюкзак

и плетусь на выход под рассерженным взглядом Тамары Ивановны.

– Я тебе такое на экзамене устрою, – говорит она мне в спину. – Готовься лучше, а не каляки свои рисуй!

Каляки?! Я останавливаюсь и оборачиваюсь к Тамаре Ивановне.

– Это у вас на доске каляки, а у меня крутые комиксы! – возмущаюсь на всю аудиторию.

Через секунду мои слова подкрепляются громкими хлопками в ладоши. Это Антоха. Я даже не сомневаюсь. И его дружеский жест подхватывают остальные пацаны. А вот лицо Тамары Ивановны багровеет, но меня это уже не волнует. Улыбнувшись ей, я покидаю аудиторию под аплодисменты одноклассников.

Выйдя в пустой коридор, я закидываю на плечо лямки рюкзака, хотя хочется пнуть его, как футбольный мяч. Как же все бесит! Из-за этих дурацких формул и теорий вероятности одна сплошная головная боль. Но по иронии судьбы именно они мой пропуск в Калифорнийскую студию современного искусства. Мой отец поставил мне условие. Я могу идти на все четыре стороны, когда получу диплом, цитирую дословно: по нормальной специальности. Ведь все, что не касается экономики, цифр и статистики, для моего отца не нормально, а так – черт-те что и сбоку бантик. Но мне не нужны четыре стороны. Мне нужно совершенствоваться в одной.

Я вот-вот вручу документ о своем высшем образовании отцу. И только тогда он поспособствует обучению в той самой студии. Оно-то далеко не бесплатное. Моя дипломная работа уже у меня в кармане. На итоговом экзамене не будет Гольцмана, а значит, как-нибудь да спишу. Только меня тянет на дно этот чертов долг по эконометрике. Надеюсь, совет Антохи про «Зачета. нет» поможет выплыть к берегам Калифорнии.

А раз уж меня выгнали с пары, то расценю это как намек судьбы, что нужно найти тихое и уединенное место, чтобы наконец решить свою остро нарисовавшуюся проблему. И я знаю, куда идти. Это крохотная подсобка на цокольном этаже, заваленная кипами старых журналов и дипломов. Моя личная тайная комната, случайно обнаруженная еще на втором курсе. Там легко вскрывается замок, и на моей памяти ни разу никто не являлся туда, пока я тихо отсиживался, прогуливая какую-нибудь пару. Поправив рюкзак на плече, направляюсь к лестнице по пустому коридору. Поэтому никто не видит, как я, оказавшись на цокольном этаже, закатив рукава толстовки, легким движением руки открываю хлипкий замок и скрываюсь за дверь.

Здесь воняет сыростью и пылью, гнетущий полумрак и десятки захламленных коробками стеллажей, стоящих один к одному. Я кидаю рюкзак на подоконник и пристраиваюсь туда же. Приоткрыв форточку, впускаю свежий воздух и достаю из кармана джинсов телефон. Как только вижу яркий

значок приложения «Зачета. нет» на его экране, мысленно прощаюсь со всеми своими проблемами.

Вдруг слышу, как щелкает замок в дверях. Я настороженно замираю. Какого черта? Здесь же никогда никого не бывает. Ну кроме меня и Антохи. Только вот он на консультационной паре. Я сразу же прячу телефон в карман, хватаю рюкзак, за секунду слетаю с подоконника и буквально прилипаю спиной к стеллажам в самом углу.

– Куда поставить коробку? Сюда? – слышу басистый бубнеж.

– Ага, здесь ставь, – вклинивается девчачий голос.

Что-то стучает и брякает, а я так и стою неподвижно, как солдатик. Кто это? И чего они вообще здесь делают? Надеюсь, сейчас эти двое свалят отсюда. Но куда там...

– Готово. Пойдем ко всем в актовый зал? – интересуется парень, его голос мне кажется знакомым.

– Угу, идем, – как-то очень грустно вздыхает девочка. И я готовлюсь мысленно похвалить ее за быструю сообразительность, но... – Леш, подожди. Можно с тобой поговорить? – По интонации девицы мне сразу становится понятно, что она нервничает. А я нетерпеливо закатываю глаза. Да идите уже отсюда!

– Конечно, говори. – Тот самый Леша натянуто вздыхает.

Не знаю почему, но меня вдруг резко одолевает любопытство. Осторожно наклоняю голову к щели между коробками на стеллаже, и мой взгляд попадает ровно на этих двоих

незванных болтунов.

Первым я вижу парня. Так вот почему его голос показался мне знакомым. Это же Леха Смирнов. Смазливый второкурсник, блондинчик с экономического факультета. Терпеть его не могу. Доводилось с ним общаться. Строит из себя такого правильного и честного. А-ля типичный сын маминой подруги: отличник, спортсмен и при деньгах. Вечно ходит в наглаженных рубашках и брюках. Сегодня не исключение. При встрече с ним мне так и хочется запихнуть два пальца в рот и сделать «бу-э», ведь я-то лично знаком с его гадкой натурой.

А вот девочка... Высокая, сутулая, одета как с рынка: бесформенные джинсы, рубашка в цветочек и кардиган с рюшами. Темные волосы зализаны в тугий мышиный хвост. Я точно вижу ее в первый раз. Оно и неудивительно. На такое мои глаза бы никогда не глянули. Типичная ботаничка. Но любопытство разыгрывается во мне все сильнее. Что такой сладкий мальчик, как Смирнов, делает здесь с этой мисс посредственностью?

– Леша, я просто... Я подумала... – мямлит девчонка. – Может, ты... точнее, мы... Ну... сходим куда-нибудь?

Я округляю глаза и снова прячу свой любопытный нос за коробки. Это весьма неожиданно.

– Синичкина, в каком смысле сходим? Вдвоем? – Смирнов явно ошарашен.

– Да, в кафе, например, – слышу, как голос девочки ста-

новится еще тише и неувереннее.

– Слу-ушай, Олесь, – тянет Смирнов, и по его вялой интонации я понимаю, что ни в какое кафе он идти не собирается. Даже становится как-то жалко девчонку. – Ты хорошая. Правда... – Я едва сдерживаю смешок. – Но нет.

– Почему? – шепчет девочка, а мне хочется вздохнуть и покачать головой. Ну вот куда она сунулась, а? Смешно же!

– Потому что я не могу ответить тебе взаимностью. Дело не в тебе, – продолжает Леша, а я не могу удержаться от улыбки. О, ну конечно, куда ж без этой фразы. Сам не раз говорил подобное. – Ты правда хорошая... Как друг. Спасибо тебе, что помогаешь мне с делами студенческого совета. Но... В общем, извини...

В каморке повисает тишина. Не дышу и я. Подглядывать и подслушивать – это, конечно, нехорошо, но, черт возьми, интересно ведь!

– Я поняла. Все нормально, Леш. – Голос девочки дрожит.

– И еще, Лесь... Называй меня Алекс. Я же тебя уже просил. Хорошо?

И я опять беззвучно кривлюсь. Алекс, ну конечно!

– Ну... это... Я пойду? – с надеждой интересуется Смирнов.

– Да, конечно. Я догоню. Мне здесь надо... доделать кое-что, – сдавленно шепчет девчонка.

А во мне гаснет всяческая надежда на то, что меня наконец оставят здесь одного. Потому что блондинчик, прибор-

мотав что-то вежливое про «ты хорошая, но без обид», уходит, а вот Синичкина Олеся остается.

И я остаюсь. Все там же, за стеллажами. Жду, когда и она наконец уйдет. Но я слышу лишь тихие всхлипывания. Сцепляю зубы и зажмуриваюсь. Только не девчачьи истерики! Чувствую себя уже очень глупо, стоя там же, в углу подсобки. Особенно когда всхлипы становятся громче. Похоже, мне придется уйти отсюда самому. Зажав в руке лямку рюкзака, я делаю решительный шаг вперед из своего укрытия...

– Да не реви ты. – Я громко вздыхаю.

– Боже! Господи! – Девочка подпрыгивает на месте, как от разряда тока.

– Нет, всего лишь Максим Ольховский, – тяну широкую улыбку.

Огромные зареванные глаза смотрят на меня с диким испугом.

– К-к-как т-ты здесь оказался?

– Через дверь, – указываю на нее подбородком.

– Ты взломал замок?

– Чего его взламывать? Подергал ручку, и он сам взломался.

– И давно ты здесь? – Синичкина перепуганно засыпает меня вопросами.

– Если тебя интересует, слышал ли я ваш разговор, то да, – хмыкаю я и подпираю плечом стеллаж возле себя, – слышал.

– То есть ты подслушивал все это время? – Девчонка на-

спех стирает рукавом кардигана слезы.

– Так вы мне выбора не оставили. Пришли сюда, начали болтать...

– Здесь никого не должно было быть, – заявляет эта мадемуазель с укором в голосе.

– Облом, да? – усмехаюсь я.

На несколько секунд наши взгляды пересекаются. Девушка с огромными голубыми глазами часто моргает и становится похожа на помидор, покрываясь красными пятнами. М-да, ну и видок...

– Ладно. Я пойду, – отталкиваюсь плечом от стеллажа и, закинув рюкзак на плечо, проскальзываю мимо Синичкиной на выход. Здесь мне уже явно не дадут уединиться.

– Ты же не будешь рассказывать о том, что услышал? – робко раздаётся за моей спиной.

Торможу у двери. Вздыхаю и все-таки оборачиваюсь.

– Слушай... Олеся, да? – Смотрю в ее зареванные глаза в упор, и, шмыгнув носом, девчонка нервно кивает. – Так вот, мне абсолютно пофиг на вашу со Смирновым мелодраму. Сплетни – чисто бабская прерогатива. Но мужской совет на будущее хочешь?

Она опять согласно трясет головой, а я еще немного сокращаю расстояние между нами и чуть склоняюсь над ней. Чувствую запах чего-то сладкого, и он приятно щекочет мой нос... Малина? Клубника? Всмотриваюсь в лицо Олеси: темные бесформенные брови, широко посаженные глаза, вздер-

нутый кончик носа и бледные сухие губы. Она испытующе смотрит на меня снизу вверх.

– Так вот, Олеся Синичкина, когда решишь в следующий раз пригласить кого-то на свидание, то соотнеси себя и объект своего обожания, чтоб потом не было мучительно больно, – подвожу я итог.

– Что ты имеешь в виду? – Девчонка снова хлопает ресницами, и на ее лице без следов какой-либо косметики отражается недоумение.

– Где ты, а где Смирнов? – Я уже не могу скрывать усмешку. – Ты правда рассчитывала, что этот мажорчик ответит тебе взаимностью?

– А что со мной не так?

Вижу, что девчонка совсем не понимает. Окей. Вызываю пояснительную бригаду.

– Честно? Все, – жестко чеканю я. – Лицо блеклое, прическа невзрачная, прилизанный хвостик, ты жутко сутулая и одеваешься как с чужого плеча... – дергаю пальцами ее дурацкие рюши на кардигане.

– То есть я... уродка? – Голос девчонки сипит, а сама она шарахается от меня.

И тут же этот аромат, не то клубники, не то малины, перестает щекотать мне нос.

– Да нет. Ты просто немного стремная, – пожимаю я плечами.

Олеся делает дрожащий вдох, а потом выдох. Глаза запол-

няются слезами.

– А ты... ты... омерзительный! Гадкий! Жестокий! Знавшийся придурок! – Она со всхлипом произносит каждое слово, а в ее широко распахнутых глазах сверкает обида. – Ясно?

– А я-то тут при чем? – удивленно таращусь на Синичкину. – Я здесь лицо вообще незаинтересованное. Просто со стороны ты выглядела жалко и...

Олеся вдруг резко подается вперед и с размаху впечатывает свои ладони в мою грудь. Освобождая себе дорогу к двери, отталкивает меня с такой силой, что я обескураженно отшатываюсь назад, ударяясь спиной о стеллаж. Коробки с грохотом летят вниз, а через секунду плачущей девчонки и этого сладкого запаха уже нет в подсобке.

Глава 3

Леся

(сейчас)

Осторожно выглядываю из-за угла. Университетский коридор практически пуст, но главное – на горизонте не вижу его... А значит, можно попробовать проскочить в аудиторию без приключений. Поправив рюкзак, висящий на плече, делаю осторожный шаг вперед, а потом как можно быстрее семеню по коридору к нужному кабинету на заседание студенческого совета. Надо же было так вляпаться! Ходи и оглядывайся теперь. И зачем я вообще решилась на эту авантюру? Всего один раз! Я не собиралась заниматься этим вечно! Я хотела лишь получить хоть какие-то так нужные мне копейки и забыть о своем «преступлении».

Все должно было быть просто. Зарегистрироваться в этом дурацком анонимном приложении и найти желающего упростить себе жизнь на экзамене по эконометрике. Никто не должен был узнать о моей шалости. Поэтому никакого открытого общения и номеров электронных карт. И ничего лучше я не придумала, чем попросить моего «клиента» оставить мне нужную сумму в конверте. Я должна была прийти в тот парк и удостовериться, что деньги на месте, а потом просто отправить ответы в чат. План казался мне идеальным. Но

откуда мне было знать, что на эту встречу явится *он*?

Гад и самовлюбленный павлин. Другого мнения о Максиме Ольховском у меня и быть не может. До первой нашей встречи я вскользь слышала о нем от сокурсниц. Кто-то склеивал после него свои разбитые сердечки, а кто-то отрещивался от всяческих контактов с ним. Мне же хватило того минутного пересечения с Ольховским тогда, в подсобке, чтобы точно отнести себя ко вторым.

«Ты просто немного стремная...» – эти слова как заноза до сих пор сидят у меня в голове. Как и тот день, в котором по мне словно катком проехались.

Я так долго готовилась к этому разговору. Раньше всегда теряла дар речи, когда со мной рядом оказывался Алекс Смирнов, второкурсник экономического факультета, а еще глава спорткомитета, глава нашего студенческого совета, в который я, конечно же, вхожу. Первый раз я столкнулась с Алексом на университетской линейке первого сентября. Наш куратор решил, что коробку с нашими зачетками и студенческими билетами должна нести до места их вручения именно я.

А я все лето перед поступлением качала не мускулы, а мозг. Поступить на факультет инноватики вообще-то было не так просто. Так что содержимое этой тяжелой коробки до сцены я не донесла. Уронила ее прямо перед ступеньками, а студенческие и зачетки разлетелись чуть ли не по всему актовому залу. Было ужасно стыдно, и никто из моих новоис-

печенных одноклассников мне даже не помог.

Пришлось собирать все под их ехидные смешки, пока в актовом зале не появился Алекс. Он не только единственный, кто помог мне, но и пристыдил ржущих в голос парней, сидящих на галерке. И это было неожиданно приятно и волнительно. Потом, как глава студенческого совета, Алекс посвящал нас в первокурсники. С широкой улыбкой прикладывал к нашим головам устав нашего университета. А подойдя ко мне, даже подмигнул.

Я и секретарем в студенческий совет записалась, чтобы быть немного ближе к этому высокому, голубоглазому, лучезарно улыбающемуся блондину. И каждое заседание совета для меня стало праздником.

Два семестра я тихо наблюдала за Алексом. Да, на моем факультете полно парней. Он, собственно, и состоит из одних парней. В нашей группе я единственная девочка. Можно было приглядеться к вариантам попроще, но парни, с кем я хожу на занятия и сдаю зачеты, – это угрюмые, не всегда опрятные и вечно бурчащие себе под нос цифры и формулы люди. А вот Алекс... Как не обращать на него внимания? Всегда одет с иголочки, цитирует философов, начитан, успевает и в спорте, и в учебе, и в общественной жизни университета. На Алекса нужно и можно равняться.

Сначала скромно мечтала, чтобы он почаще смотрел в мою сторону, потом позволила себе мечтать о приглашении сходить с ним в кафе. И пускай это была бы даже наша уни-

верситетская столовая. А если студенческому совету нужна была помощь в организации каких-либо мероприятий, то я всегда вызывалась первая. И Алекс одобрял это. Однажды даже приобнял меня на новогоднем концерте. В тот момент мне показалось, что мое сердце выпрыгнет из груди!

А еще иногда в переписке он отвечал мне смайликами в виде сердечек. И я посмела подумать, что это что-то значит. Я долго не решалась поговорить с Алексом. Намекнуть ему о своей симпатии. А вдруг он сам не решается? Да и двадцать первый век за окном как-никак. Девочки же могут позволить себе быть смелее? Вот и я позволила, а реальность быстро поставила меня на место. Реальность и Ольховский – два сапога пара. Взяли и растоптали все мои хрустальные мечты.

Поэтому, когда вчера в парке появилась его нахальная физиономия... О-о-о, меня как подменили. Я была готова отдать эти ответы кому угодно, но только не Ольховскому! Обида разыгралась с такой силой, что помню, как со злостью давила на экран пальцами, набирая: «Сделка отменяется». И жаль, мне не удалось близко увидеть выражение лица Ольховского в тот момент. Наверно, оно было феноменальным.

Правда, оказалось, что махинации, обман и интриги – это явно не мое. Все испортил телефон, не поставленный на беззвучный. И мой вечер закончился на таком адреналине, что до сих пор трясутся руки. Я как в каком-то боевике побывала. А что теперь? Теперь я прислушиваюсь и приглядываюсь к тому, что происходит вокруг. Любой, даже мимолет-

ный взгляд в мою сторону – и я паникую. Мне мерещится, что все обо всем уже знают.

Да, у нас половина вуза продает то курсовые, то готовые лабораторные. И все счастливы! Но со мной этот номер не пройдет. Если хоть кто-то поймет, откуда у меня эти билеты, мне конец... И не мне одной. Я подставлю не только себя, но и дедушку...

Внезапно кто-то хватает меня за руку и дергает в сторону, вырывая из собственных мыслей. Дыхание перехватывает, когда понимаю, чья ладонь крепко стискивает мое запястье. И эту надпись на спине черной ветровки того, кто тащит сейчас меня за огромный фикус в конце коридора, я уже видела. Буквально вчера. В парке... Но теперь бежать мне некуда. Втиснувшись со мной между стеной и цветком, Ольховский разворачивает меня к себе лицом, продолжая сжимать мою руку.

– Попалась птичка в клетку, – зловеще говорит он, а внутри меня все холодным комом летит куда-то вниз. Даже вчера его карие глаза не смотрели на меня так свирепо. – Живо рассказывай, что за цирк ты устроила, Синичкина!

Вдох. Выдох. Спокойствие. Ну не убьет же он меня, правда? По крайней мере, прямо здесь. За фикусом.

– Какой цирк? – стараюсь как можно невиннее хлопать ресницами, а заодно освободить свою руку из цепких пальцев Ольховского.

Но тщетно. Его жилистая клешня словно намертво

въелась в мое запястье. Да и сам Максим выглядит очень недружелюбно. Широкие темные брови сведены к переносице, пухлые губы сжаты в одну линию, смуглое лицо напряжено.

– Не коси под дурочку, – фыркает он. – Я про нашу прогулку в парке. Ты специально все это устроила?

– А оно мне надо – что-то делать специально для тебя, Ольховский? – говорю строго, тогда как стук сердца нервно набирает обороты. Головой понимаю, вряд ли Максим настолько дурак, что решит учинить надо мной физическую расправу. Но само его присутствие рядом уже напрягает.

– Почему этим анонимом оказалась именно ты? – рычит мне в лицо Ольховский.

– Может, все-таки судьба твоя такая – быть отчисленным? – цежу сквозь зубы и каким-то чудом умудряюсь выкрутить свое запястье из его пальцев. И на всякий случай делаю от Ольховского шаг назад.

– Значит, зуб на меня точишь. Что я тебе сделал? – Максим округляет глаза. И на секунду мне даже кажется, что весьма искренне. Хотя... Это маловероятно.

– Совершенно ничего. Ты же белый и пушистый, а я вот немного стремная.

Максим театрально выгибает одну бровь и проходится по мне таким оценивающим взглядом, что хочется прикрыть себя, обняв руками. Это все как-то чересчур неприятно. Снова.

– А-а-а, вон оно что, – язвительно тянет Ольховский. – Это все из-за того нашего разговора в подсобке. Что я такого сказал? – Вальяжно сунув руки в карманы, он делает шаг, сокращая расстояние между нами, и слегка склоняется надо мной, окатив волной яркого мужского парфюма. Тяжеловатого, древесного, врезающегося в обонятельную память. – На правду разве обижаются? Ты ведь до сих пор все в том же жутком кардигане и с хвостиком.

Смазливая, но до безобразия нахальная морда Ольховского озаряется кривой усмешкой. Несколько секунд прямого взгляда, глаза в глаза, и меня снова накрывает обидой. Да с чего я должна терпеть подобное?

– Так... – Набираю полную грудь воздуха и выдыхаю: – С меня хватит, Ольховский! Ты еще противнее, чем я думала.

Резко огибаю его широкоплечую фигуру и быстро шагаю прочь от фикуса, насколько это могут делать мои ватные ноги. И под раскат звонка на пару направляюсь по коридору к нужному кабинету.

– Синичкина, стоять! – Хриплый бас Максима раздается за моей спиной, а через секунду у меня перед носом всплывает и его хозяин. – Я хочу знать, у тебя действительно есть эти билеты или ты просто издеваешься надо мной?

– Я вчера все написала в сообщении: сделки не будет, – твердо заявляю я и опять огибаю Ольховского, проскальзывая мимо. Но этот нахал вновь становится передо мной стеной.

– Ты вообще-то собиралась отдать их мне. – Поставив руки на пояс, он преграждает мне путь. – Я удвою сумму.

– Извини. Передумала, – пожимаю плечами, глядя в горящие от недовольства глаза Максима.

Неожиданно из-за его головы появляются две ладони с длинными ногтями, выкрашенными в ядовито-голубой цвет. И эти ладони ложатся прямо на глаза Ольховского, прикрывая их.

– Максик, – тут же слышится позади него приторный девичий голос, – угадай кто?

На секунду Ольховский замирает, потом кладет свои огромные ладони поверх чужих ладоней у себя на глазах и ощупывает их.

– Вика? – спрашивает он.

– Не угадал. – Голос из-за спины жеманно хихикает.

– Ника?

– Нет.

– Лена?

– Неправильно.

Я ошарашенно смотрю на эту угадайку. То есть кому-то совершенно нормально вести себя вот так: просто перечислять женские имена посреди коридора, когда на тебя накинулись сзади и закрыли глаза? Интересно, он всех лиц женского пола в университете сейчас перечислять будет?

– Так, все. – Ольховский наконец недовольно фыркает, оттягивая от своего лица пальцы с голубыми маникюром. –

Мне сейчас вообще некогда.

Тут же из-за его спины выплывает миниатюрная блондинка.

– Максик, ну ты чего? Это же я, – хлопает она большими глазами с черными стрелками.

Ольховский разочарованно вздыхает:

– А, Эля. Слушай, давай потом, – и бросает многозначительный взгляд на меня.

Я сразу же делаю крохотный инстинктивный шаг назад. Вот дуреха! Я могла бы уже давно сбежать от Ольховского, а не стоять развесив уши.

– Ну когда потом? Ты неделю уже не звонишь! – Блондинка морщит нос. – Я соскучилась.

– Ага, я тоже, – небрежно произносит Ольховский, даже не глядя на эту Элю.

Он смотрит на меня, как хищник на добычу, которая вот-вот готова обратиться в бегство, – пристально и с прищуром. А я действительно собираюсь скрыться. И это нужно сделать сейчас, пока его внимание пытается привлечь эта блондинка. Она встала прямо перед ним, демонстративно уткнув руки в бока.

– Знаешь, Макс, мы так не договаривались! – Эля повышает голос, тем самым заставляя Ольховского все-таки взглянуть на нее. – Я жду тебя сегодня!

Я осторожно пячусь в сторону дверей аудитории в конце коридора. Выжидаю момента, когда можно дать деру.

– Эль... – закатывает глаза Ольховский, делая шаг в сторону.

Но блондинка отступить не собирается. Она зеркалит его движение, преграждая собой путь.

– Максим Ольховский! Ты козлина! Сволочь! – раздается громкий женский возглас с другого конца коридора.

Ольховский сразу же оборачивается на зов, а из-за его спины я вижу быстро приближающуюся еще одну блондинку. И она летит к нему как фурия. Вот сейчас я точно могу бежать. Развернувшись, я широкими торопливыми шагами направляюсь в аудиторию, оставляя Ольховского разбираться со своим гаремом. И, судя по недовольным крикам и брани у меня за спиной, об Ольховском не просто так ходят легенды как о потрошителе девичьих сердец.

Но я даже выдохнуть с облегчением не успеваю. До аудитории остается всего несколько шагов, как позади меня опять слышится требовательный знакомый бас:

– Отдай мне билеты, Олеся. Хватит строить из себя обиженную. Будь человеком.

Да чтоб тебя! Неужели те две мегеры дали ему так просто уйти? Закатываю глаза и сжимаю в пальцах лямки рюкзака, перекинутого через одно плечо.

– Нет, считай, это дело принципа, – твердо выдаю я и ускоряю шаг, оставляя Максима у себя за спиной.

И уже собираюсь скрыться за спасительной дверью аудитории, но куда там! Ольховский ставит свою белоснежную

кроссовку в дверной проем. Я отшатываюсь, а Максим бесцеремонно вваливается в кабинет, оттесняя меня назад. Мы оба оказываемся на пороге аудитории. И сразу же из ее глубины слышится:

– Максим, привет! Давно тебя не видела. Как дела?

Я не вижу, кто это говорит, но по слащавому голосу могу предположить, что это Инга Майер – третьекурсница и глава организационного комитета.

– Ты к нам на собрание? Заходи, – продолжает радостно щебетать она.

А у меня от такой реакции на этого придурка уже оскоми-на. В нашем университете есть хоть кто-то, кто, как и я, не фанатеет от Максима Ольховского?

– Не-не, не к вам. У меня здесь другое важное дело, – отмахивается он, даже не взглянув на нее.

Ольховский смотрит только на меня. Смотрит в упор и не моргает. Делает дерзкий шаг вперед и снова становится перед моим носом. Вплотную. Безо всякого стеснения наклоняется к моему уху. И Ольховского, похоже, совершенно не смущает, что на нас смотрят пар двадцать глаз студенческого совета. И, как назло, в аудитории воцаряется тишина.

– Ты бы сильно не хорохорилась, Синичкина. – Максим до угрожающей хрипотцы понижает голос, и по моей спине бегут мурашки. – Я ведь могу своими принципами и поступиться. Не люблю сплетни, но... А вдруг я захочу рассказать всем одну очень интересную историю? Там такая драма-

тургия – закачаешься! И надо же, главные герои тоже здесь: и мажор-красавчик, и отвергнутая им серая мышка. Да, кстати, а откуда у первокурсницы готовые билеты на экзамен четвертого курса? Может, ты втихую стащила их у преподавателя? Или тебе кто-то помог? – Он шепчет все это мне на одном дыхании.

И с каждым его словом воздуха в моих легких становится все меньше, а его въедливого парфюма все больше. Я прекрасно понимаю, куда клонит Максим. А еще понимаю, что сейчас весь студенческий совет, и Смирнов не исключение, просто поедает нас глазами.

Только Ольховскому все равно. Не дожидаясь моего ответа, он отстраняется и, растопырив указательный и средний пальцы, направляет этот жест сначала к своим глазам, а потом и к моим:

– Смотри у меня, Синичкина.

Громко хмыкнув, Ольховский вальяжно выходит из аудитории, оставляя меня под ошарашенными взглядами всего студсовета.

* * *

Заседание проходит в обычном режиме, за исключением одной маленькой детали. Так или иначе, на меня время от времени косятся все присутствующие! А девчонки так особенно. О, ну да. Ольховский, местный, черт возьми, мачо,

появился же здесь в моем сопровождении, а не какой-нибудь блондинистой куклы, что вцепилась сегодня в него в коридоре.

Чувствую себя как клоун на арене цирка. Цирка, который устроил один ленивый придурок! И стоит только замдекана во время заседания отлучиться всего на секундочку из аудитории, как тишины в ней становится все меньше, а внимания к моей персоне – больше.

– Олеся... – слышу негромкое обращение через бубнеж других студентов.

Я вздрагиваю, боясь даже пошевелиться. Это Алекс. Нет, он и раньше иногда общался со мной по всякой ерунде, но лишь по моей инициативе. А после того разговора в подсобке мы и не виделись. Алекс уехал на какие-то спортивные соревнования. И надо же ему было так удачно вернуться с них именно сегодня!

Сглотнув сухой ком, я осторожно оборачиваюсь к Смирнову, сидящему на соседнем ряду. И стоит мне только взглянуть на Алекса, как внутри екает. Идеально выглаженная голубая рубашка, так гармонирующая с его голубыми глазами, безупречно обтягивает плечи и спортивный торс. А еще, кажется, Алекс подстригся: короткие светлые пряди аккуратно уложены ото лба наверх. Смирнов всегда выглядит как с обложки модного журнала. Не чета некоторым экземплярам в рваных джинсах и бесформенных толстовках.

– Олеся, – Алекс снова вполголоса произносит мое имя и

наклоняется чуть вперед, – у тебя все нормально?

– В смысле? – К моим щекам моментально приливает жар. А если Алекс хочет поговорить по поводу нашей последней беседы? Вдруг переживает? Или думает, что я обижена? Или вообще... передумал... Мое сердце замирает в груди.

– Ну... В смысле, у тебя нет никаких проблем? Конфликтов? – Алекс в упор смотрит на меня.

Чувствую, как в горле уже противно першит от разочарования. Догадываюсь, на что намекает Смирнов. Ольховский! Вот чтоб ему сейчас икалось, гаду. И мне совсем не о нем хотелось бы поболтать с Алексом.

– Да, все нормально, – сдержанно киваю с дурацкой улыбкой.

– Точно? – Алекс недоверчиво прищуривается.

Но ответить не дает мне настойчивое похлопывание по плечу. Обернувшись, натываюсь взглядом на Ингу. И, как всегда, она тоже выглядит глянцево: элегантная белая рубашка навыпуск и джинсы в обlipочку, а огненно-рыжие волосы собраны в низкий хвост. Усевшись на край моего стола, Инга молча хлопает ресницами. А я удивленно смотрю на нее. Ей-то что понадобилось? Обычно Майер здоровается со мной через раз, а тут...

– Синичкина, – она заинтересованно обводит меня оценивающим взглядом, – а ты что, знакома с Ольховским?

От ее вопроса в лоб я окончательно впадаю в ступор. Да что за напасть-то с этим нахалом?

– Ну так, немного, – отвечаю кратко.

– Немного – это как? – Она хмурит свои идеальные рыжие брови.

– Это как много, только наоборот, – прерываю наш зрительный контакт и перевожу взгляд в свой раскрытый блокнот. Делаю вид, что внимательно изучаю все ранее мной там написанное, надеясь, что Инга правильно поймет мой жест.

– Что-то ты юлишь, – не отстает Майер. – Сложно прямо ответить?

Вздыхаю и поправляю ворот своей блузки. Мне внезапно становится как-то жарковато. И что за день-то сегодня такой? Прочищаю горло и бурчу максимально равнодушно, продолжая изображать невероятный интерес к своим куколкам в блокноте:

– Знаю, и все тут.

– Давно?

– Нет.

– И часто вы общаетесь?

– Нечасто.

Инга замолкает, но продолжает сидеть на моем столе. Молчу и я. Лишь ощущаю на себе ее взгляд. И еще кажется, что на меня продолжает смотреть и Смирнов. Да и не только он... Или я уже себя просто накручиваю?

Проходит еще несколько мгновений в тишине. Пока я все же не выдерживаю сама. Поднимаю голову и вопросительно смотрю на Майер, а она недовольно сжимает свои кукольные

губы.

– Ясно, – фыркает Инга. Ее явно не устраивает формат нашего общения. Но не буду же я выкладывать ей все на блюдечке? С чего вдруг? Встав наконец с моей парты, Инга демонстративно поправляет свой рыжий хвост. – И кстати, ты вчера так и не прислала мне месячный отчет о работе нашего совета. Будь добра, пришли его сегодня.

Мне хочется скривиться. Вот не общались мы с ней, и не надо начинать. А еще хочется скорее уйти туда, где никто не станет напоминать мне о придурке Ольховском.

* * *

После заседания студсовета я пулей вылетаю из аудитории. На сегодня с меня разговоров хватит. И со Смирновым, и с Майер. Да любых. А тем более об Ольховском. Но идти домой еще рано. Через пару мне нужно быть на дополнительных курсах по английскому языку. Решаю провести время в библиотеке и подготовить там доклад на завтра по философии. Это будет и полезно, и максимально безопасно. Вряд ли я наткнусь на Ольховского в библиотечных стенах. Но по коридору все равно иду озираясь. Мало ли...

На мое счастье, в библиотеке пусто. Выбираю самый отдаленный компьютерный стол и располагаюсь за ним. Тетрадка, ручка и цветные текстовыделители – достаю из сумки все, что мне нужно, чтобы заняться конспектом. Мне не хва-

тает только глотка воды, чтобы наконец немного освежиться и перезагрузиться. Сегодня не день, а черт знает что. Я снова лезу в сумку за припасенной бутылкой минеральной воды. Легким движением пальцев откручиваю крышечку, и тишина библиотеки заполняется резким шипением и моим возгласом «Ой!». Вода стреляет из бутылки мощными брызгами, заливая мне блузку и джинсы.

Я подскакиваю со стула, чтобы не залить еще и клавиатуру компьютера. Стою мокрая посреди библиотеки и точно понимаю – сегодня не мой день. Аккуратно поставив бутылку на стол, мокрыми руками пытаюсь найти в сумке сухие салфетки.

Что я там говорила про не мой день? Салфеток в сумке я не нахожу. Окончательно психанув, хватаю свои пожитки, выхожу из библиотеки и в мокрых вещах иду в женский туалет. Благо он находится в конце этого же коридора. Запершись в пустой кабинке, я стягиваю с себя чудом оставшийся сухим расстегнутый кардиган и насквозь мокрую блузку. А еще ловлю краем уха женские голоса и стук каблучков – кто только что вошел в дамскую комнату.

– Да я сама была в шоке, когда увидела...

– А может, это был не он?

– Я что, Ольховского не узнаю?

Моя рука, тянувшаяся к рулону туалетной бумаги, замирает. Опять его фамилия! Это издевательство?

– Так, и что было?

– Он ее впихнул в аудиторию, зашел сам и стал ей что-то на ухо нашептывать...

До этой секунды я стояла за закрытой дверью кабинки, просто замерев, а теперь даже не дышу. Я узнаю голос одной из девиц – это же Инга. Слышу шум воды, перебивающий ее разговор со своей подругой. И я становлюсь одним большим ухом, когда вода через пару секунд выключается.

– Да не может быть, чтобы она была с ним знакома.

– Я своими глазами видела. А еще сказал, что у него важное дело к ней! – возмущается Инга. – Не понимаю, как такое возможно? Эта мымра еще и молчит! «Знаю, и все тут». – Майер мерзко пародирует мой ответ. – Я перед Максом крутилась около года, и он ни разу не обратил на меня внимания. Так почему он тогда шепчется с этой Синичкиной?! Она ж вообще никакая.

– Ни кожи ни рожи, – поддакивает подружка Инги. – Вечно этот хвост на башке затянет, ссутулится, в бабкину одежду вырядится. Фу!

– Она стремная, – подтверждает Майер. И обе ехидно хихикают. От этих смешков что-то противно скручивается у меня под ложечкой.

– Ты же не думаешь, что между ними что-то есть?

– Пф-ф, – усмехается Инга. – Удел Синичкиной – быть старой девой в окружении сотни кошек, но явно не Ольховский. Только вот зачем он с ней тогда общается?

Но ответа ее подружки я уже не слышу. Обе, цокая каб-

луками и хлопнув дверью, испаряются из туалета. А я так и стою в своей кабинке. В одних джинсах и спортивном тепе, сжимая в руке блузку и кардиган. Меня словно ударили пыльным мешком по голове. В ушах – белый шум, а по спине ползут ледяные мурашки. Дрожащими руками натягиваю на себя мокрую блузку и закутываюсь в кардиган. Из кабинки выхожу на негнущихся ногах. Я ощущаю себя как-то странно. Вроде это называется дежавю... Застываю перед огромным зеркалом, висящим на белоснежной кафельной стене женского туалета. Смотрю на свое отражение:

«сутулая»

«хвостик»

«лицо блеклое»

«в бабкину одежду вырядится»

«Ты просто немного стремная», – в моей голове раздается бас Ольховского.

«Она стремная», – вторит голос Инги.

Стискиваю зубы, потому что горло сжимает спазм от подступающих слез. И я все еще смотрю на себя в зеркало. То есть слова Максима – правда? Неужели меня действительно все видят именно такой? Стремной.

Глава 4

Леся

Домой я возвращаюсь с настроением ниже плинтуса. Оно становится еще хуже, когда в почтовом ящике нахожу очередную квитанцию на оплату квартиры и еще одно предупредительное письмо от управляющей компании. Ведь в графе «Долг» сумма меньше не стала. Если так пойдет и дальше, нам и правда скоро отключат и свет, и газ с водой. Жаль, что нельзя просто взять и выбросить эти бумажки.

Чертов Ольховский! И нужно было ему оказаться тем Анонимом777 из приложения. Не будь он им, я бы уже продала эти дурацкие ответы, выплатила какую-то часть долгов за квартиру и забыла все как страшный сон.

Тяжело вздохнув, я запикиваю квитанцию и письмо себе в сумку. Поднимаюсь на пятый этаж нашей с дедом сталинки, едва волоча ноги. На душе тошно. Хочется прямо здесь усесться на ступеньки и пожалеть себя. И все еще влажная блузка на мне лишь добавляет дрянных ощущений от этого дня. Ко всему прочему, еще и тот разговор Майер и ее подружки в туалете не выходит из головы.

Во мне бурлят обида, злость и полное непонимание. Неужели, чтобы не быть стремной, нужно стать чьей-то копией? Ну, например, той же Майер. Я всегда знала, что дале-

ка от журнальных идеалов. Огромные, широко расставленные глаза, никаких сексуальных скул, кукольных ресниц и брендовых шмоток. Я одеваюсь как мне удобно и на что хватает денег. Не гонюсь за популярностью. Да, я самая обычная, но, оказывается, правильно это называется «быть стремной». Понуро доползаю до своей двери и лезу в сумку за ключами.

– Леська, привет! – раздается за моей спиной радостный оклик.

Вздрагиваю, едва не выронив ключи из рук.

– Богдан, ты напугал меня, – недовольно бормочу я и оборачиваюсь на знакомый голос.

В распахнутых дверях напротив в смешных ярких шортах и клетчатой рубашке на меня смотрит мой сосед по лестничной клетке. Его русые завитушки, как всегда, забавно торчат во все стороны кудрявой шапкой.

– Извини, думал, ты слышала, как я замком клацаю. – Богдан виновато улыбается. – А ты чего такая загруженная? Как все прошло вчера?

– Никак, – вздохнув, отвечаю Богдану кратко. Говорить о вчерашнем что-то совсем не хочется. – Я отказалась от этой затеи.

Бо удивленно ведет бровями. Он-то и уговорил меня на идею с тем дурацким приложением. Скачал, зарегистрировал и убедил, что ни одна живая душа ни о чем не узнает. И у меня не было причин ему не доверять. Богдан ведь не

только мой друг детства, но еще и заочник нашего университета, учащийся на факультете информационных технологий и программирования. Он сам активно и успешно пользуется приложением «Зачета. нет», когда начинается сессия. Только вот я сама все испортила...

– А чего так? – Богдан опирается плечом о дверной косяк, явно собираясь послушать о моих вчерашних приключениях. – Все-таки боишься, что он... – понизив голос, Бо указывает подбородком на дверь моей квартиры, – узнает?

– И это тоже. – Я вздыхаю еще тоскливее, чем несколько мгновений назад. – Так что, может, это и к лучшему, что ничего не вышло.

– Да все бы вышло. Надо просто быть понаглее, – уверенно заявляет Бо, а я морщусь.

Вселенная что, решила сегодня доконать меня, разом надумив всех указать мне на мои недостатки? Фыркнув, разворачиваюсь к своей двери и вставляю ключ в замок.

– Лесь, а смотри, что мама моя достала на работе. – Богдан за моей спиной таинственно понижает голос.

Я снова оборачиваюсь к соседу. Но стоит мне только взглянуть на Бо, а точнее, на то, что он держит в руках, как мое кислое лицо перестает быть таковым. У Богдана в ладонях зажат белый горшок с цветком.

– Это... Ну... – Друг морщится и явно пытается вспомнить название. – Как ее там...

Я сразу же узнаю это крохотное толстенькое растение.

– Это же граптоверия, – смотрю на пучок розеток с удлиненными серебристо-зелеными листьями, на кончиках которых расположены тоненькие щетинки розового цвета.

– Точно. Мама так и сказала, – радостно подтверждает Бо, а потом протягивает мне горшочек.

– Это мне? – удивленно перевожу взгляд с цветка на Богдана.

Он расплывается в улыбке:

– Ну не мне же? Здесь не я фанат суккулентов. Так что держи. Это тебе в коллекцию.

И первый раз за день мне становится тепло на душе. Все-таки Бо самый классный друг! Всегда знает, как поднять настроение. Уголки губ сами тянутся вверх, а руки за горшком.

– Бо, как здорово! – искренне благодарю его. Осторожно забираю цветок, не переставая восторженно смотреть на него – граптоверии у меня еще точно не было.

– На чай не зайдешь? – интересуется Бо, пока я пячусь к дверям своей квартиры.

– Ой, прости. Давай не сегодня, – поднимаю на него виноватый взгляд. – Что-то так устала.

Еще бы мне не устать! За один день и от местного ловеласа скрывалась, и, посетив всего лишь женский туалет, столько интересного о себе узнала... А Богдан уже обиженно хмурится. Но я, показав язык, скрываюсь за дверью своей квартиры.

Стоило только шагнуть на порог, как мне в нос ударяет

запах чего-то пригорелого. О нет! Дедушка опять решил кашеварить сам.

– Дед! – кричу на весь дом.

– Я здесь, Лесь! – доносится из кухни бодрый голос.

Прижав одной рукой горшок с цветком к себе, я быстро скидываю сумку на пол, стягиваю с себя кроссовки и прямым ходом направляюсь туда.

– Дед, ну зачем? Я бы сама все приготовила! – возмущаюсь, едва ступив на крошечную кухню.

– Ужинать будешь? – Дедушка словно и не слышит моих причитаний.

В старой домашней футболке и растянутых трениках он колдует с половником над кастрюлей на плите. А вот запах чего-то паленого аж жжет нос. Прохожусь беглым взглядом по пространству кухни. Да уж... Мне теперь мыть это все часа три, не меньше!

Я пытаюсь не злиться на дедушкину инициативность. Ведь, кроме него, у меня никого нет. Отец сбежал почти сразу после моего рождения и больше на горизонте не появлялся. Все, что мне от него досталось, – это птичья фамилия. После развода с моим отцом мама вместе со мной переехала к своим родителям. Так мы и жили в этой просторной, но очень скромной трехкомнатной сталинке: мама, я – мелкая непоседа, бабуля и дед.

Пока не случилось непоправимое. Моя мама, по образованию геолог, погибла из-за несчастного случая в одной из

своих экспедиций. И с тех пор моим воспитанием занимались бабушка и дедушка. Но несколько лет назад не стало и моей любимой бабули. Теперь есть только я и дед.

– Дедуль, мы же с тобой договаривались. Готовлю только я, – с укором качаю головой, а потом, вздохнув, перевожу взгляд на его седовласую макушку.

– Чего ты там бормочешь, Лесь? – Он наконец-то оборачивается. Широко улыбнувшись, откладывает половник и вытирает ладони о цветастый передник. – Как день прошел?

– Ты тему не переводи, – прижав поплотнее к себе горшок, строго смотрю на дедушку. – Хозяйка на кухне я.

– Ой, ну все, хозяйка! Знаю, как вы с Зоськой хозяйничаете, когда меня дома нет, – отмахивается он. – Едите одну заварную лапшу и шоколад.

И из-под стола, как в подтверждение его слов, слышится уверенное «мяу».

– А ты куда-то собрался? – удивленно округляю глаза.

– Вчера пригласили на конференцию, – гордо объявляет дедушка. – Завтра лечу.

– Нет, – строго отчеканиваю я. – Ты не летишь ни на какую конференцию.

– Это еще почему?

– Тебе что врач сказал? Снизить нагрузку, меньше работать...

– Ишь, командирша! Леся, билеты уже на руках, и меня там ждут с докладом. Я еду. Меня пригласили выступить

платно. Так что это не обсуждается.

– А может, хватит все тянуть одному? – Я позволяю себе немного повысить голос и опять завести беседу о том, что обычно провоцирует между мной и дедом скандал. – Я тоже могла бы немного подзаработать. Устроилась бы официанткой куда-нибудь на вечерние смены и...

– И думать об этом не смей! – Дедушкины глаза гневно смотрят на меня из-под седой линии бровей. – Твоя задача – только учеба!

– Но дед!

– Олеся! – Его кулак слегка постукивает по столешнице, давая понять, что разговор закончен.

Собственно, как и всегда, когда заходит речь о том, что все наши финансовые тяготы мы бы могли делить уже на двоих. Мы же семья. А полгода назад мне исполнилось восемнадцать. Теперь я могу без проблем устроиться на какую-нибудь подработку. Ведь мои пятерки в зачетке никак не покроют долги по квартплате.

Но я опять замолкаю. Правда, состроив весьма недовольное лицо. Дедушка все равно сделает, как хочется ему. Несколько секунд мы все еще буравим друг друга взглядом.

– Лучше иди мой руки, переодевайся и помогай накрывать на стол. – Дедушка смягчается первым. – А что это у тебя в руках? – Он заинтересованно щурится.

Я вздыхаю. Ясно. Нормального разговора о моей подработке опять не будет. Я бы могла сейчас поругаться с дедом,

снова разозлиться, но уже даже от намека на скандал ощущаю какое-то бессилие. Поэтому цепляю на лицо улыбку и ставлю горшок с цветком на стол.

– Это граптоверия.

Дед внимательно осматривает зелено-серебристые крепкие листья и недовольно говорит:

– Красиво, но бессмысленно. Цветок рано или поздно засохнет. А вот если коллекционировать книги... Я недавно в книжном видел подарочное издание «Капитала» Карла Маркса...

И я вздыхаю еще раз, переставая внимать словам бабушки. Кто бы сомневался, что он скажет что-то подобное. Дед слишком прагматичен, чтобы разделять мою любовь к цветам. Точнее, к определенному их виду – суккулентам.

Раньше я и бабушка занимались этим вместе. Дедушка только ворчал, что все окна заставлены странными, словно инопланетными, растениями. А после того как бабушки не стало, он будто бы злится на маленькие горшочки. Выселил их все на подоконник моей спальни, куда я и несу подаренный Богданом цветок.

Поставив горшок к своим собратьям, еще раз осматриваю тугие листья с розовыми щетинками на концах.

– И как же тебя назвать? – задумчиво бормочу себе под нос.

Привычка давать имена цветам у меня тоже от бабушки. Она часто обращалась к ним то «Прошенька», то «Ванечка».

Так у меня на подоконнике теперь имеются и рипсалис Петр, и сансевиерия Семен, и шлюмбергера Глаша, и еще с десяток имен. И какое же имя будет у граптоверии? Вопрос решается сам собой. На белом пластиковом горшке я замечаю надпись «iggor». Точно!

– Будешь Игорем, – довольно хмыкаю.

– Леся! Мой руки! Я жду тебя ужинать! – слышу дедушкин зов из глубины квартиры.

– Иду! – кричу ему в ответ.

Но, повернувшись к двери спальни, ловлю краем глаза свое отражение в зеркале, стоящем у шкафа. Задерживаю на себе взгляд. А в отражении вижу все то же, что и тогда в женском туалете: девочку в сером вязаном кардигане, под которым видны края рюш блузки и синие застиранные джинсы. На голове растрепавшийся хвост, а на лице ни румянца, ни блеска в глазах. В моих мыслях опять возникают слова: «Она стремная».

Едва приподнятое подарком Бо, мое настроение сразу же падает до нулевой отметки. Еще раз кисло зыркнув на свое отражение, я плетусь в ванную.

Глава 5

Макс

– Всем привет! – громко оповещаю о своем появлении на весь холл.

Но даже дверь у меня за спиной не успевает хлопнуть, как из-за угла слышу задорный звон колокольчика и радостное тьяканье. А через секунду по паркету летит золотистый пушистый шар на коротеньких ножках.

– Тикси! – восклицаю я.

Шпиц уже скачет как попрыгунчик, а за ним следом и его хозяйка. Моя мама. Невольно отмечаю, что с последней нашей встречи она как будто опять помолодела. Лицо сияет, короткие волосы по-модному выкрашены в пепельный цвет и идеально уложены. И когда она все успевает? После того как я и моя старшая сестра покинули отчий дом, мама, чтобы не погрязнуть в депрессии из-за синдрома опустевшего гнезда, решила, что будет печь торты. И это решение оказалось весьма удачным. Теперь у нее свой блог, масса подписчиков и постоянные заказы. Если бы я умел готовить такие сладкие шедевры, то давно бы уже и в дверь не проходил. А мама, наоборот, лишь хорошеет.

– Максимилиан! Солнышко! – Она распахивает для объятия руки, ее яркий домашний халат-кимоно придает ей вид

взмахивающей крыльями птицы. И через секунду я оказываюсь в маминых объятиях. – Ну наконец-то. А то совсем забыл, что у тебя родители есть.

– Ма, хватит называть меня Максимилианом. Можно же просто Макс, – бурчу я в пепельную макушку, обнимая маму в ответ.

– А ты прекращай стесняться своего имени. – Она поднимает голову и кидает на меня осуждающий взгляд. Но уже через секунду ее лицо озаряется счастливой улыбкой. – Руки мой и быстро на кухню. Ужин на столе, – и чмокает меня в щеку.

Беспрекословно выполняю наказ мамы. Тем более мой нос уже уловил теплые запахи специй, плывущие из кухни, а желудок громким урчанием напомнил, что еду он видел аж три часа назад. Под приветственное твяканье Тикси посещаю ванную и направляюсь на кухню, ощущая, как рот наполняется слюной.

Оказавшись в просторной столовой, смотрю на стол, заставленный едой, и на мгновение даже жалею, что съехал от родителей. Мог бы сейчас не заказной пиццей питаться, а котлетами, супчиками и тортом в придачу. Я сглатываю слюну и уже мечтаю, как проглочу во-о-он то золотистое и румяное, похожее на мясной пирог.

На мое плечо ложится что-то тяжелое.

– Макс, привет, – слышу над ухом голос отца.

Обернувшись, встречаюсь с ним взглядом. Папа улыбает-

ся, и в отличие от мамы на его лице стало больше морщин, в темных волосах прибавилось седины. Да и пивной живот под домашней футболкой стал как-то заметнее. И это я не был в родительском доме всего недели две. Ну ладно, три. Или я уже месяц здесь не был?

Отвечаю папе крепким рукопожатием, но внутри почему-то все напрягается. Нет, с отцом у меня хорошие отношения, если не считать его несгибаемую упертость по поводу моего высшего образования и увлечения рисованием. Не мужское это дело, и все тут. Ему все мечтается, что я когда-нибудь возглавлю его консалтинговый бизнес.

Любое наше общение рано или поздно касается этой темы. Сегодняшний ужин не стал исключением. Разговоры за столом о чем-то нейтральном – финальном ремонте дома, маминых безумных заказчиках и о тапке, погрызенной Тикси, – заканчиваются как раз под десерт. Как только мама ставит на стол порцию аппетитных капкейков, мой отец решает завести свою шарманку.

– Ну, Макс, – вздыхает он, расслабленно откидываясь на спинку стула, – мы с мамой все свои новости рассказали, теперь рассказывай, как дела у тебя.

Потянувшись за капкейком с фисташковым кремом, забираю его с блюда, а заодно, заметив еще и капкейк со странным ярко-розовым кремом и уже представив его вкус, отвечаю:

– Хорошо. Недавно масло в машине поменял.

– Масло – это хорошо. О машине надо заботиться, – тянет папа. – А что там с эконометрикой? Можно поподробнее.

Шмяк. Фисташковый крем, слетев с капкейка, падает прямо на скатерть светло-зеленым расквашенным пятном. Таким же становится и мое настроение. Откуда отец узнал об эконометрике?

– Я сейчас все уберу. – Мама сразу же подрывается за салфеткой и недовольно косится на отца. – Виталик, ну обязательно сейчас об этом говорить?

– Обязательно, Вер, – чеканит он.

А я, потеряв всяческий аппетит и положив «обезглавленный» капкейк себе на тарелку, осторожно интересуюсь:

– А что не так с эконометрикой? – Решаю сразу ни в чем не признаваться. А вдруг папа назвал эконометрику просто так, случайно?

– Это ты мне скажи, что с ней не так. Почему у тебя диплом на носу, а экзамен по эконометрике с зимней сессии до сих пор не сдан? – Папа серьезно смотрит на меня из-под густых, почти полностью седых бровей.

И его тяжелый взгляд буквально впечатывает меня в стул. А шестеренки в моей голове усиленно крутятся. Мне срочно нужна отмазка. Но, видимо, это слишком явно отражается на моем лице, потому что отец пресекает мой мыслительный процесс.

– Можешь не придумывать, что соврать. Я звонил в твой деканат, – хмыкает он.

Морщусь. Да как же так?! Все четыре года не звонил, а именно сейчас позвонил.

– Пап, это ерунда. – Мне остается только держать лицо и делать вид, что все это так... пшик, а не проблема. Даже глаза для пущей уверенности закатываю. – К защите диплома я все успею сдать.

– А чего раньше-то не сдал? Не так сильно хочется уже в... – Папа делает паузу, будто что-то вспоминает, и смотрит на маму. – Верочка, куда он там собрался? Напомни.

– В Калифорнийскую студию современного искусства, – со вздохом договаривает мама, уже убравшая крем со ска-терти и снова севшая за стол.

Услышав знакомое название, которое давно бередило мою душу, я напрягаюсь.

– Вот. Ты же все еще хочешь попасть туда на обучение? – Папа переводит взгляд на меня.

– Конечно, хочу. Мы ведь договорились с тобой, пап.

– Мы договорились, что сначала ты получишь нормальную профессию, а потом хоть в дворники иди.

Внутри медленно закипает злость. Снова я слышу эту фразу про нормальную профессию и дворника. Отец повторяет и повторяет ее с того самого момента, как только я заикнулся, что хочу заниматься иллюстрациями, то есть со старшей школы.

– А художник-иллюстратор – это не профессия? – Как папа свою фразу, так и я в тысячный раз повторяю свою.

– Дизайнер интерьеров и ландшафтов – это профессия, архитектор – профессия, а вот рисовать какие-то там комиксы, иллюстрации в книжки – это не профессия, – сурово заявляет отец.

– Виталик... – мягко начинает мама.

Ее я не вижу, так как смотрю только на отца, но замечаю, что она кладет свою ладонь поверх его ладони.

– Да? – язвительно прищуриваюсь. – Что же ты Нину не запихнул учиться куда-нибудь в экономический? Или юридический? Она вон вообще одежду рисует.

– Твоя сестра – девушка, если ты забыл. А рисовать всякие платица и кукол – для девочек это нормально. А мужчина должен заниматься чем-то серьезным. – Папа даже голос повышает и выпрямляется на стуле.

– Как и держать слово. Я сделал так, как ты хотел. Отучился, где ты хотел. – Я выпрямляюсь тоже. И мы оба буравим друг друга взглядом.

– Я все помню, Максим. И слово свое держу. Но ты, – папа освобождает свою ладонь из-под ладони мамы и демонстративно тыкает в меня указательным пальцем, – еще не отучился. Тебя вот-вот перед самым дипломом отчислят.

– Да принесу я тебе твой диплом на блюдечке с голубой каемочкой, как и обещал, – фыркаю я. – А ты готовься свою часть обещания выполнять.

– Да я всегда готов, сын. А тебе советую не говорить гоп, пока не перепрыгнешь.

– Ну хватит, мальчишки! – громко прерывает нас мама. – Мы так давно не собирались. Виталик, – она строго обращается к моему отцу, – ты не прав.

– Вера! – восклицает он. – Я же хочу для него лучшего, а он хочет рисовать комиксы. Ну и еще на себе. – Папа указывает подбородком на мои татуировки, виднеющиеся из-под рукавов футболки.

Я закрываю лицо ладонями и не могу сдержать бессильный стон. Все. Понеслось. Старые песни о главном. Часть миллион первая. Рисование. Татуировки. Сейчас еще и про одежду что-то должен сказать. И я, как всегда, прав...

– Этому здоровому лбу уже двадцать один, а он ходит вон в чем. Балахоны какие-то с рисунками, кроссовки цветные. Мама тебя даже в детстве так не наряжала, – продолжает тираду отец.

– Виталик, хватит! – пытается встрять мама.

Мое терпение почти лопается. Чувствую, что лицо краснеет и я готов ляпнуть сейчас что-нибудь не то, и это окончательно испортит мои договоренности с отцом. Я лучше промолчу, но получу от него то, что он обещал. Полугодовое обучение под палящим солнцем Калифорнии.

– Ясно, – быстро поднимаюсь на ноги. Капкейки уже не вызывают во мне никакого аппетита. Бросаю взгляд на хмурю маму и пытаюсь улыбнуться. – Спасибо за ужин, мамуль. Я домой.

– Я думала, ты останешься... – растерянно произносит

она.

– Нет. Поеду получать серьезную профессию. – Холодно зыркнув на отца, забираю со стола телефон, запикиваю его в карман джинсов и, расправив плечи, иду на выход из столовой.

– Максимилиан! – расстроено восклицает мама.

– Да пусть едет, – слышу, как папа ехидничает мне вслед. – Может, и правда к передаче подготовится. Сдаст и поедет рисовать свои картинки, как и договаривались. А потом попробует еще на этом зарабатывать и будущую семью содержать. Вот тогда-то он и скажет мне спасибо, – отец театрально повышает голос, заставляя меня покрепче стиснуть зубы, – что злой папа заставил получить нормальный диплом!

– Виталик!

И если еще пару секунд назад после жалобного зова мамы «Максимилиан» я был готов все-таки остаться в родительском доме, то после реплик отца желание пропало напрочь. Меня не заставит здесь переночевать даже желание поесть на завтрак маминых ажурных блинчиков со сметаной. Широкими шагами прохожу через столовую, коридор и выхожу в холл. Меня преследует колокольчик на ошейнике Тикси. Шпиц провожает до самой двери и роняет изо рта на пол свой резиновый игрушечный мяч, когда я наклоняюсь надеть кроссовки.

– Прости, друг. – Я так раздраженно дергаю на них шнурки, что слышу треск. – Никакой игры в мячик сегодня вече-

ром. Отец наказ дал – профессию получать, – цежу я сквозь зубы.

Перед моим носом на паркете появляются носы маминых домашних тапочек.

– Не злись на папу. У него на работе какие-то проблемы. Я поговорю с ним еще.

Выпрямившись, застаю маму стоящей напротив. Она держит в руках парочку пластиковых контейнеров для еды и виновато улыбается.

– Не надо, мам, – бурчу в ответ. – Сам разберусь.

В моих руках оказываются контейнеры с едой.

– Это тебе. Блинчики с мясом и грибы с овощами. И что бы ты там ни думал, я и папа правда хотим тебе только лучшего. Сдай ты уже эту эконометрику. – Мама ободряюще хлопывает меня по плечу.

Из дома родителей я выхожу с воинственным настроением. Нужен моему отцу диплом? Будет. Я обязан сдать. Я заслужил. Я четыре года занимался тем, что мне не по душе, чтобы приблизиться к своей мечте. И никакая Олеся Синичкина меня не остановит. Поэтому, когда сажусь в свою машину, первым делом я пишу именно ей. Нужно вытрясти из этой ботанички то, что мне так нужно. Я решительно открываю в приложении чат с Анонимом1301 и, прожигая взглядом экран телефона, пишу:

Аноним777 [24.05. 20:36]: *«Синичкина, буду ждать тебя через час на том же месте, что и вчера.*

Я удваиваю сумму».

Глава 6

Леся

За домашними заботами и ужином я даже забываю о том, как ужасно прошел мой сегодняшний день. Пока об этом не напоминает «дзынь» упавшей на смартфон эсэмэски. Отрываюсь от конспекта по философии и бросаю взгляд на экран телефона.

Аноним777 [24.05. 20:36]: *«Синичкина, буду ждать тебя через час на том же месте, что и вчера. Я удваиваю сумму».*

Смотрю на текст сообщения, и глаза мои округляются. И что мне ему ответить?

Аноним1301 [24.05. 20:37]: *«Нет».*

Аноним777 [24.05. 20:37]: *«Утраиваю сумму».*

Мне остается лишь закатить глаза и окончательно убедиться, что Ольховский вообще не понимает слово «нет». А если так? Перехожу на заглавные...

Аноним1301 [24.05. 20:38]: *«НЕТ!»*

Аноним777 [24.05. 20:39]: *«Синичкина, хватит выделываться. На эти деньги можно в салон красоты сходить или шмоток закупить. Тебе действительно это надо».*

А я уже трясусь от злости. Как же это достало! Намеков о моем внешнем виде становится как-то чересчур много. Хочется просунуть руки в экран и прямо через него отвесить Ольховскому парочку смачных подзатыльников. Этот хамоватый экземпляр с Y-хромосомой совсем не имеет чувства такта?

Аноним1301 [24.05. 20:41]: *«Такт – умение дать человеку указание, не сделав из него врага».*

Аноним777 [24.05. 20:41]: *«Че? Эт че такое? Ты о чем?»*

И я с ехидной улыбкой печатаю ответ: *«Сборник цитат и афоризмов. Купи. Тебе действительно это надо».*

Отправляю сообщение, и вся моя интуиция уверенно подсказывает мне, что кого-то сейчас по ту сторону экрана конкретно взорвало, потому что Аноним777 печатает... печатает... печатает... Но ответ прочитывать не успеваю.

– Леся, можно тебя на минутку? – доносится голос дедушки из его кабинета.

Сунув телефон в карман домашних спортивных штанов, иду на зов.

– Звал? – с улыбкой заглядываю в дедушкин кабинет. Одна только мысль, что где-то в этой Вселенной бесится Ольховский, уже повод для радости.

– Лесюнь, а ты, случайно, здесь ничего не трогала? – задумчиво интересуется дед. Не поднимая головы в мою сторону, он перебирает стопку папок на своем столе. И улыбка

разом слетает у меня с губ.

– Нет. – Я нервно прочищаю горло. – А что?

– Да ничего... Просто все мои материалы обычно лежат по алфавиту, а тут... кавардак какой-то. – Дедушка непонимающе смотрит сначала на одну папку в руке, а потом на другую.

А я чувствую, как неприятно холодеют кончики моих пальцев.

– Не знаю. Может, Зоська прыгнула и скинула случайно? – Мой язык деревенеет с каждой секундой.

– Скинула, а потом обратно на стол сложила? – Дедушка наконец поднимает на меня растерянный взгляд, а мои щеки тут же противно краснеют. Но дед неожиданно радостно отмахивается: – А! Вспомнил! Это я же собирался все материалы переподписать, достал, а потом забыл. Эх, старость... Можешь идти, Лесь, я дальше разберусь.

– Угу, – произношу я сквозь плотно сомкнутые губы. Ватными руками закрываю дверь и выдыхаю, чувствуя, как в кармане штанов буквально разрывается телефон от пришедших на него сообщений.

* * *

– Раз! Два! Три! Четыре! По диагонали идем... Идем...

И я теряю концентрацию окончательно. Слишком много звуков для этого утра. Приходится лезть к себе в сумку за

наушниками.

Вообще мои пары сегодня во вторую смену, но так как бо́льшая часть студенческого совета должна принимать участие в весеннем фестивале КВН, мне пришлось явиться в универ на его утреннюю репетицию.

Я нахожу себе укрытие на подоконнике в самом дальнем и мрачном углу актового зала. Ну так, на всякий случай... Подальше от взоров тех, кто стал свидетелем моего общения с Ольховским и все еще не смог унять свое любопытство. Разместив на коленях тетрадь по английскому, просто стараюсь всеми мыслями углубиться в инфинитивы. Получается это сделать лишь после того, как в наушниках начинает звучать медитативная музыка.

И пока весь народ в актовом зале активно занят репетицией, я преспокойно сижу на подоконнике в компании тетради по английскому. Но недолго... Мой нос ощущает тяжеловатый, древесный аромат... Тот самый. Я инстинктивно поворачиваю голову раньше, чем успеваю сообразить, кто подсел ко мне. И тут же вздрагиваю, роняя тетрадь с колен.

– Ольховский! – выдыхаю испуганно, выдергивая за шнур наушники из ушей.

Держа руки в карманах зеленой толстовки, в потертых черных джинсах и кипенно-белых кроссах, Максим расселся на подоконнике. Расслабленно болтая в воздухе ногами, он изучающе пронзает меня взглядом.

– Синичкина, а я тебя сразу и не узнал.

Стиснув зубы, запихиваю телефон с наушниками в задний карман джинсов и молча подбираю с пола свою тетрадь.

– Ты не в том уродском кардигане, – задумчиво продолжает Ольховский. – А в футболке и джинсах. И даже волосы сегодня не такие прилизанные.

– А ты, как обычно, просто не расчесался, – зло цежу я, намекая на беспорядок в густой темно-каштановой копне волос. – Чего тебе нужно? – тянусь к своей сумке на подоконнике и запихиваю туда поднятую тетрадь.

– Почему не пришла вчера? Я ждал.

Я отвлекаюсь от своих вещей и изумленно кошусь на Максима:

– Ты серьезно?

– Да, – кивает он и очень честно хлопает ресницами.

– Вчера весь вечер шел дождь, – кривлюсь я недоверчиво. А заодно снимаю с запястья резинку и привычным движением рук стягиваю волосы в хвост. Так все же как-то спокойнее и привычнее.

– Прикинь, как мне экзамен сдать хочется? – тоскливо вздыхает Максим.

– Ольховский, а ты уверен, что я тебя не разыграла? Может, у меня вообще этих билетов нет?

– Просим выйти весь состав студенческого совета и выстроиться у кулис! – громко разносится по всему актовому залу.

Не дожидаясь ответа на свой вопрос, я забираю сумку с

подоконника и через проход между рядами кресел направляюсь из темного угла к ярко освещенной софитами сцене. У ее ступенек уже толпится половина нашего студсовета. Но примкнуть к группе не удастся.

– В смысле, у тебя нет билетов? – Гневное шипение за спиной заставляет меня тут же замереть на месте и обернуться.

Ольховский тут как тут. Прямо перед моим носом. Нахмурившись, он по-прежнему держит ладони в карманах толстовки. Я с опаской озираюсь по сторонам. Мы опять на виду у всех. И пока на нас никто не обратил внимание, нужно заканчивать разговор как можно скорее.

– Вот так – нет. Это была шутка, – заявляю я, делая невозможное лицо, которое тут же краснеет.

– Лжешь. – Ольховский с подозрением прищуривается и скользит внимательным взглядом по моему лицу. – Ты вон вся красными пятнами пошла...

– Максим, давай закончим этот разговор раз и навсегда. Я не отдам тебе билеты ни при каком раскладе. Забыли. Проехали. Свободен. Уходи, – нервно тараторю я, потому что уже чувствую, как на нас снова начинают пялиться присутствующие.

– Не отдашь из принципа? Ну давай я извинюсь перед тобой. Хочешь? – В глазах Максима искрится надежда.

– Где Синичкина? Она ж третья стоит по счету! – разлетается громко по залу.

Перевожу взгляд с Максима на сцену, где все уже ищут

меня, и опять на Максима.

– Не в принципе дело. Просто... – спешно говорю я и нервно постукиваю носком своего ботинка, – просто я уже не могу это сделать по личным причинам. И они никак тебя не касаются.

– Синичкина, будь ты человеком. – Максим устало закатывает глаза. – Назови сумму. Любую. Я все куплю.

– Синичкина, ау! Она ж сидела где-то на галерке, – говорит кто-то из девчонок в микрофон.

Боже! Мое самообладание сейчас треснет по швам! Я смело смотрю в глаза Ольховского. И в полумраке актового зала они уже не кажутся карими. Они становятся практически черными. Это даже завораживает... почему-то...

– Не могу. Правда, – выдыхаю я. – Считай, этих ответов у меня уже нет. Потеряла. А теперь извини. Мне надо идти.

Но делаю от него всего один шаг...

– Лесь... – Ольховский тормозит меня, хватая за руку.

Но не как в прошлый раз. Никакой грубости и силы. Просто мягко и уверенно его пальцы окружают мое запястье. И я торможу на месте сама. От неожиданности. Медленно оборачиваюсь и вижу серьезный, пронзительный взгляд Максима. Кажется, в его глазах читается самая настоящая мольба.

– Олесь, я знаю, что не сдам, – почти беззвучно, одними губами проговаривает Ольховский и настойчиво сжимает мое запястье так, что меня почему-то мгновенно бросает в жар. – Помоги мне, пожалуйста...

Я замираю. Это неожиданно и даже как-то жалостливо. Ольховский вглядывается в мое лицо, словно я реально его последняя надежда. Он умоляюще хлопает своими темными ресницами. И я, как под гипнозом, смотрю в его карие глаза.

– Олеся, мы тебя долго ждать будем? – В наш странный разговор с Максимом врывается голос того, кто быстро возвращает меня в реальность. Алекс появляется рядом как из-под земли. Сложив руки на груди, он сначала бросает недовольный взгляд на меня, потом на Макса, а потом замечает и мою руку в ладони Ольховского. На лице Алекса вспыхивает плохо скрываемое недоумение.

Это крах! Снедаемая чувством стыда, я выдергиваю свое запястье так резко, как только могу. И уже собираюсь произнести гору оправдательных слов, если бы не Ольховский.

– А ты не видишь, что мы вообще-то разговариваем? Отвянь. – Вонзаясь в Смирнова злющим взглядом, он демонстративно запикивает уже свободные ладони в карманы толстовки.

– Здесь идет репетиция. А ты мешаешь и отвлекаешь, – недовольно произносит Алекс.

– Если я тебе мешаю, Смирнов, то возьми и покинь помещение.

– Покинешь помещение сейчас ты, Ольховский. И скорее всего, вперед ногами, если не будешь следить за языком.

– Че-е-е? – Максим неожиданно делает резкий шаг к Смирнову и приосанивается.

– Повторяю для глухих: дверь за твоей спиной. Иди отсюда.

Я стою как вкопанная, с ужасом наблюдая, как Алекс медленно закатывает манжеты рубашки, не переставая смотреть на Ольховского. Максим проигрывает Алексу в росте, но он однозначно шире и мощнее в плечах.

И мне бы не хотелось узнать, кто из них ловчее и сильнее. Вижу, как Ольховский, достав руки из карманов, делает разминающий поворот шей и сжимает кулаки. А набирающий обороты стук сердца подсказывает мне, что делает он это не потому, что немного затекли пальцы.

– Ты, Смирнов, еще не дорос мне указывать, – задиристо хмыкает Ольховский. Широко расставив ноги, он, как глыба, фиксируется перед своим собеседником. – Ясно?

И я впервые вижу, как всегда спокойное лицо Алекса искажается гневной гримасой. Ой-ой... Бросаю взгляд на сцену в поисках желающих развести этих двоих, но там, в жужжащей толпе под софитами, не хватает лишь попкорна. И чего эти двое так взъелись друг на друга? Буквально заставляю себя влезть в мужскую перепалку.

– Максим, уйди, пожалуйста. – Я резко дергаю его за рукав толстовки.

Вернув все внимание мне, он шумно вдыхает воздух, видимо собираясь высказаться, но... ничего не происходит. Ольховский как будто зависает, слегка приоткрыв рот. Смотрит то на меня, то на Алекса... То на Алекса, то на меня... А

потом, прищурившись, расплывается в загадочной улыбке, а его плечи расслабленно опускаются. Выжидательно замираю и я и смотрю на улыбающегося Максима. И меня это не успокаивает, а, наоборот, пугает. С чего вдруг Ольховскому улыбаться от уха до уха? Он же только что готов был двинуть кому-нибудь кулаком.

– Я напишу тебе, Лесь, – вальяжно бросает мне Максим и, подмигнув, разворачивается. Он просто уходит прочь из актового зала, не забыв громко хлопнуть дверью.

Лишь тогда я вздрагиваю, приходя в себя. В полном смятении решаюсь взглянуть на Алекса. Только он и не думает смотреть на меня. Развернувшись, он недовольно бросает мне через плечо:

– Синичкина, свои любовные дела решай где-нибудь за закрытыми дверями. Не устраивай из этого шоу. Я был немного другого мнения о тебе.

Его слова неприятно жгут где-то в груди. Мне хочется оправдаться. Я ведь вообще здесь ни при чем.

– Алекс, но...

– Пошли репетировать. Мы всех задерживаем, – бубнит он.

И я, словно мне на шею повесили каменный груз, плетусь вслед за Смирновым. И что теперь он обо мне думает? Что я какая-то вертихвостка? Считай, только что приглашала его на свидание, а теперь вот – Ольховский? Гад! Какой же он гад! Даже если умеет мило и искренне заглядывать в глаза,

хлопая ресницами.

Под всеобщие переглядывания становлюсь на сцену, куда указывает ведущий. Иронично, но это место оказывается рядом с Майер, а Смирнов стоит за нашими спинами. Я нервно поправляю на затылке вновь завязанный хвост и сглатываю противное першение в горле. Но шоу продолжается...

– Рассказывай, на чем приворот? На мертвой курице или заговор на полную луну? – не поворачивая ко мне головы, шепчет Майер, пока кавээнщики используют нас в качестве массовки.

– Что? – осторожно кошусь на рыжую справа от себя.

– На чем Ольховского привораживала? – чуть громче желчно произносит Инга.

Я поворачиваю к ней голову. Ошарашенно смотрю на точеный профиль и все еще не понимаю: она серьезно или нет?

– Что за бред?

Инга демонстративно давится смешком, чем привлекает внимание остальных рядом стоящих девчонок. Я прямо ощущаю каждым миллиметром кожи, как у всех сплетниц нашего студсовета активируются локаторы.

– Бред? – фыркает Майер, все еще не глядя на меня. – Ну-у-у, не зна-а-а-ю. А чего ты трешься тогда возле Макса? Других логичных объяснений этому феномену я не вижу.

– Я? Трусь? – Мой голос неосознанно повышается, а в груди уже появляются зачатки самой настоящей злости. – А может, это он таскается за мной, прилип как банный лист?

Инга наконец достаивает меня своим вниманием. Повернув голову, она сначала поджимает свои ярко покрашенные губы, а потом окидывает меня ядовитым взглядом с ног до головы:

– Макс? Он никогда этого не сделает. Он вообще никогда не таскается за бабами. И такой поворот событий возможен только в твоей больной фантазии. Потому что ты не его уровень. Макс – топ, а ты – стремная чмошница.

И это слышат все, кто стоит рядом, потому что Инга говорит уже не шепотом. Воздух в моих легких становится тяжелее любого металла, и ладони леденеют до онемения. Очень хочется вцепиться в эти ярко-рыжие волосы Майер, но это смешков рядом сковывает.

Я могу лишь оглядеться и понимаю, что все девчонки вокруг прячут от меня взгляд и просто хихикают. Они согласны с Ингой. Они на ее стороне.

– Майер, рот закрыла и молча стой, – слышу грозный шепот Алекса за спиной.

Но даже попытка Смирнова уговорить стерву не спасает меня от жуткой и неконтролируемой жалости к себе и желания сбежать. Что я и делаю. Схватив сумку, брошенную у края сцены, я слетаю с нее по ступенькам, а потом просто выбегаю из актового зала.

По пустым коридорам выскакиваю на улицу, даже не подумав, что раннее майское утро – не самое подходящее время для прогулок в одной футболке. Прохладный воздух тут

же окутывает меня, но не приводит в чувство. Злость слишком сильно обжигает. Я вот-вот заплачу в голос.

Вдох. Выдох. Успокоиться не выходит. Я все равно хочу плакать. Именно здесь и сейчас. Так сильно не хотелось рыдать, даже когда получила отказ от Смирнова, а потом еще обидные слова от Ольховского. Делаю несколько подготовительных нервных всхлипываний и...

– О! Я не думал, что ты так быстро придешь ко мне на свидание.

– А-а-а-а! – вырывается из моей груди, когда я от отчаяния запрокидываю голову к пасмурному небу. – Ольховский! Ты почему опять здесь?! – Оборачиваюсь и вижу его, подпирającego спиной колонну на входе в универ.

– Чего кричишь? – усмехается Максим. – Я же тебя как раз и жду. Ты, кстати, прочла мое сообщение?

И от вида его улыбающегося лица желание реветь пропадает. Зато ясно понимаю, что вот сейчас я точно придушу Ольховского. Он! Все мои мытарства начались именно с него!

– Ты... – Делаю шаг к нему и сжимаю кулаки. – Ты все мне испортил, – крадусь я к Максиму, готовая искромсать его уже взглядом.

– Я? – Ольховский округляет глаза.

И в них опять столько искренности, что я взрываюсь. Да он точно издевается надо мной!

– Ты! – воплю я и с размаху впечатываю свою ладонь ему

в грудь. Она жутко твердая. От удара мне больно, но меня это не останавливает. Я бью Максима снова и снова. – Не подходи ко мне! Не разговаривай со мной! Отвали! Меня от тебя уже тошнит!

– Ты чего, Синичкина?! – Максим крепко перехватывает мои руки и придавливает меня к своей груди, полностью обездвиживая. – Белены обьяелась? Ты так орешь из-за моего предложения?

– Какого еще предложения? – нервно произношу, пока безрезультатно брыкаюсь, пытаюсь отлипнуть от широкой груди Ольховского.

Но его руки как капкан. Чем больше я дергаюсь, тем сильнее он меня сжимает. И мне кажется, я вся пропиталась одеколоном Ольховского. Его так много вокруг. Не шлепнуться бы от головокружения.

– В сообщении. Я отправил тебе его пару минут назад.

– Я ничего читать от тебя не буду!

Макс так резко склоняется к моего лицу, что мы едва не сталкиваемся лбами. Его глаза горят решимостью.

– Будешь. Читай, – уверенным тоном командует Макс и наконец отпускает меня.

Я тут же отшатываюсь от него, вдыхая воздух, не пропитанный въедливым ароматом Ольховского, и, психуя, лезу в задний карман джинсов за телефоном. Схватив гаджет, оживляю экран, проведя по нему пальцем, и читаю сообщение от Анонима777.

Я впадаю в ступор. Выпучив глаза, я даже перечитываю. Всего одно предложение. Потом растерянно поднимаю взгляд на Ольховского.

– Что скажешь?

– Я ничего не поняла, – хриплю ему в ответ.

Максим терпеливо вздыхает и, проведя ладонью по волосам, загадочно приподнимает уголки своих губ:

– Что там может быть непонятного? Я решил, что буду твоим парнем.

Глава 7

Леся

Несколько секунд я все еще пребываю в ступоре. Я даже изучающе разглядываю глаза Максима. Зрачки обычные, взгляд не затуманен, а, наоборот, светится, а значит, Ольховский в себе. Тогда что сейчас происходит? Из-за порыва ветра у меня стучат зубы. Все же выскочить на улицу в одной футболке – глупая затея.

Но Максим реагирует с космической скоростью. Он резким движением расстегивает молнию на своей толстовке, снимает ее и остается в одной белой футболке. Его кофта оказывается у меня на плечах. Мне сразу же становится тепло. Я настороженно застываю, а мой взгляд падает на крепкие, загорелые руки Ольховского. Вернее, на узор на левой руке. Татуировка в виде двух черных полос обхватывает крепкое предплечье. Одна полоса шире другой, но обе настолько идеально параллельны друг другу, что хочется их рассматривать. И какие-то мгновения я так и делаю, будто бы зависая. Рассматриваю чужую татуировку, пока Максим демонстративно не прочищает горло, слегка кашлянув. И я наконец включаюсь в реальность.

– Парнем? Моим? – переспрашиваю вслух, отводя взгляд от непонятных тату Ольховского. Зачем мне на них пялить-

ся? – Тебе не кажется, что эти два слова между собой не вяжутся?

– Я действительно предлагаю тебе быть моей девушкой, но понарошку. – Максим хмыкает.

И он, видимо, ждет какой-то реакции, потому что выжидательно буравит меня карими глазами. И скорее всего, что-то из разряда: «Вау! Круто», потому что на его скуластом лице проскальзывает тень недоумения.

– Не поняла, да? – разочарованно вздыхает Ольховский.

А я действительно потеряла смысл происходящего. Мне предлагает встречаться парень, который недавно заявил мне, что я стремная. Поэтому я мотаю головой.

– Я тут прикинул... – Взгляд Максима мгновенно оживляется. – Что я могу предложить, кроме денег, чтобы это действительно тебя заинтересовало? Что есть у меня, а у тебя точно нет?

Мои глаза округляются. Если сейчас его наглая морда попробует хоть как-то намекнуть на то, что ниже пояса...

– Популярность, Олеся! – с укором произносит Ольховский, правильно считав эмоции с моего лица. – Вот что я могу тебе дать.

– А мне-то она зачем? – продолжаю держать глаза широко распахнутыми.

– Затем, чтобы утереть нос своему блондинчику Смирнову. Ты же видела, как он сегодня взбесился от моего появления?

– Но ты действительно мешал проводить репетицию.

– Не в этом дело. У меня со Смирновым давние терки.

– Чем же Алекс тебе не угодил? – Скрещиваю руки на груди и свожу брови к переносице.

– Пф-ф, Алекс. Алешка Смирнов, – кривится Ольховский, закатывая глаза. – Наше общение с ним не заладилось с того момента, как он попал в нашу университетскую команду по баскетболу. Из-за твоего Алеши меня, кстати, оттуда и попросили. Так что мы терпеть друг друга не можем. А тут я демонстративно заявился к тебе, и он сразу подошел разобраться, в чем дело.

У меня даже рот приоткрывается от неожиданности.

– Хочешь сказать, что Алекс запал на меня? – спрашиваю я, не скрывая надежды в голосе.

Но Максим снисходительно усмехается:

– Запал – это вряд ли. Но я уверен, что твоего Смирнова сейчас разбирает любопытство, как так вышло, что девочка, которая сама только что призналась ему в любви, теперь больше не его поклонница. И общается не абы с кем... – Ольховский демонстративно расправляет свои широкие плечи, слегка поиграв мускулатурой, – а с его прямым конкурентом за женское внимание.

– Ни в чем я ему не признавалась! – Я возмущенно фыркаю и на его заявление, и на этот жест с игрой мускулами. Вот уж показушник в сотой степени! – Да между нами ничего же нет...

– А это никому знать не обязательно. Пусть думают, что есть. – Максим чуть наклоняется ко мне, заговорщически понижая голос.

И его взгляд горит от каких-то бесноватых огоньков, пляшущих в темно-карих радужках. Похоже, Максим настроен на все вышесказанное слишком серьезно.

– И за это я должна отдать тебе готовые билеты на экзамен? – сощурившись, констатирую и без того понятный факт.

Лицо Ольховского озаряется.

– Бинго!

– Бред! – мгновенно отвечаю я.

Все. Хватит. Пора прекращать этот идиотизм. Похоже, от маниакального желания сдать экзамен у Ольховского точно поехала крыша. Я собираюсь развернуться и уйти, но делаю всего пол-оборота, как Максим цепляется за свою же толстовку на моих плечах, притягивая меня обратно к себе.

– Да стой же, Синичкина! – В его голосе сквозит отчаяние. – Это не бред. Знаешь, почему ты не интересна Смирнову? Потому что ты слишком легкая добыча. Думаю, он давно уже понял, что ты в него влюбилась. Дай угадаю: ты вечно пялилась на него, когда никто не видит. На любое его поручение ты тут как тут. Всегда первая вызываешься ему помочь... Мы чувствуем, если девушка без ума от нас. И потом, ты вообще сама пришла к нему с повинной. Я, как мужик, тебе говорю – это жутко льстит, но не заводит. Ты слиш-

ком неприметная и достигаемая. Сейчас твой мажорчик голову сломает, думая, как так вышло, что ты теперь со мной.

Максим прекращает тараторить и цепляться за меня. Он отступает, а я стою на месте и даже не моргаю. Смотрю в одну точку, ведь от его слов внутри все тяжелеет. Потому что эти слова попали туда, куда надо, – в мою обиду. Мне не хочется верить в рассказы Ольховского, но... Сжимаю губы и стараюсь дышать ровно. Не выходит. Не может же все быть так омерзительно банально?

– Лесь, мы можем помочь друг другу, – осторожно продолжает Ольховский.

Я снова поднимаю на него взгляд. И Максим ловит его, склонив голову набок.

– Это идеальный бартер. Ты помогаешь мне с экзаменом, а я преподношу тебе популярность на блюдечке. Как только ты станешь моей девушкой, – пальцами он обрисовывает в воздухе кавычки, – то твоему имиджу тихой и серой мышки придет конец. Разве тебе не хочется танком проехаться по самолюбию того, кто дал тебе от ворот поворот?

Я по-прежнему молчу. В моей голове какая-то путаница из голосов и смешков Майер, остальных девочек и собственного внутреннего «я», которое пытается их перекрыть. И пока совсем не запуталась в собственных мыслях, задаю Максиму очевидный вопрос:

– А как же твой имидж? Я же стремная и блеклая.

– Слушай, – он виновато закусывает нижнюю губу и взды-

хает, – я не хотел тебя обидеть. Просто сказал как есть. И я же не назвал тебя уродиной. У тебя вон какие глаза огромные... красивые... Да, кстати, и сегодня ты выглядишь уже не так...

– Убого? – не могу сдержать ехидную ухмылку. Глаза, значит, у меня красивые... Господи, какой же Ольховский все-таки балабол.

– Не так серо. Волосы не зализала, одежда без этих жутких рюшек – и прям другой человек.

– А если тебя засмеют, когда узнают про наши отношения? – Деловито складываю на груди руки и вопрошающе приподнимаю брови.

– Лесь, я уже тебе говорил, что мне плевать на сплетни. Постоянной девушки у меня все равно нет. Мне нужно сдать этот чертов экзамен, получить диплом, отдать его предкам, а потом меня ждет моя мечта. Остальное мне неинтересно, – заявляет Максим, и глаза его воодушевленно горят.

– Ждет мечта? – удивленно переспрашиваю я.

Но Ольховский тут же отмахивается:

– Забей. Не важно. Ну так что?

И мы снова замолкаем, стоя друг напротив друга возле входа в университет. И что-то подсказывает мне, что его предложение – это не какой-то розыгрыш. Слишком серьезное лицо у этого товарища в татуировках.

За стенами универа звенит звонок с первой пары. И только тогда Максим делает шаг ко мне. Он не просто сокраща-

ет расстояние между нами, а стирает его, становясь ко мне вплотную.

– Я жду твоего положительного ответа. Он нужен нам обоим, Синичкина. – Ольховский широко улыбается, пока я все еще молчу.

Неожиданно ладонь Максима тянется к моей голове. Я не успеваю ничего понять и отреагировать, как он стаскивает с хвоста на затылке резинку. Туго собранные пряди тут же рассыпаются у меня за спиной, а через секунду я перестаю дышать...

Максим запускает свои ладони мне в волосы. Пройдясь пальцами от шеи к затылку, теребит свободные пряди легким вибрирующим движением. От его рук исходит какой-то нереальный жар. У меня тут же вспыхивают щеки, плывет сознание, а кожа на затылке от чужих прикосновений словно загорается. Мои скрещенные руки безвольно опускаются. Ошарашенно смотрю на крепкую шею Максима. Точнее, в ямку под выступающим кадыком, где виден спокойный пульс в венах, едва просвечивающих через смуглую кожу.

– Тебе так лучше, Лесь, – как ни в чем не бывало усмехается Максим, расправляя мне волосы по плечам. – Толстовку оставь пока себе. Мы ж теперь будто бы пара.

И если я стою в полном недоумении и с пляшущим сердцем в груди, то Ольховского, похоже, ничего не смущает. Как будто он все уже решил. Вот так сразу и за двоих...

Одарив меня белоснежной улыбкой, Максим возвращает-

ся в стены университета, оставляя меня одну на его пороге в своей благоухающей парфюмом толстовке.

* * *

Уставившись в потолок, уже который час в уютной пижаме в цветочек лежу бессмысленно на кровати и глажу мурчащую под боком Зоську. Время – половина второго ночи, а сна ни в одном глазу.

Все-таки Ольховский – хитрый жук. Не сплю я сейчас именно из-за его дурацкого предложения. Хочу ли я? Мой внутренний голос твердо говорит, что это неправильно. Я не должна уподобляться всяким Майер и пытаться кого-то задеть, чтобы мои неудачи не казались мне такими горькими.

Только вот сегодняшние усмешки в актовом зале так и проносятся в голове. А где-то в самом мрачном уголке моей души теплится крошечное желание утереть нос всем – и Майер, и Смирнову.

Было ли мне обидно получить от него отказ? Очень. Особенно когда Максим раскрыл, возможно, истинную причину этого отказа: «Ты слишком неприметная и досягаемая». Неужели все дело в том, что я не имею никакого отношения к слову «популярность»? И неужели никому не важно, что я за человек на самом деле? О чем думаю, что собой представляю?.. Оболочка и имидж теперь важнее содержания? И, как оказалось, имиджа у меня как раз таки и нет... Я тише воды,

ниже травы. Я никто. И видимо, всегда была такой. Даже из подруг у меня только Богдан, с которым не всеми мыслями и поделишься. Он же все-таки парень. Пускай мы с детства катались на одних качелях во дворе.

В университете с подружками тоже как-то не заладилось. Слишком много парней на моем факультете, а в студенческом совете – Майер и ей подобные. И теперь я точно знаю, что все они за моей спиной считают меня просто чмошницей. Обидное чувство снова колет под ребрами. Чмошница... Нахмурившись, натягиваю одеяло повыше и переворачиваюсь на бок под недовольное мяуканье Зоськи.

Чмошница. А что вы скажете, девочки, если эта чмошница найдет себе компанию в виде Ольховского? Популярный красавчик и... Моя ехидная неконтролируемая улыбка тут же сходит на нет. Супер! Дожили! Я Ольховского называю красавчиком! Похоже, завышенное самомнение Максима о себе еще и передается воздушно-капельным путем.

Вздыхаю и крепче прижимаю к себе Зосю. Усато-полосатая мордочка, лежащая на одеяле, недовольно от него отливает и делает несколько смешных чихов.

– Тоже считаешь, что слишком пахнет этим? – Треплю Зоську за холку и бросаю недовольный взгляд на ту самую зеленую толстовку. Пришлось весь день таскаться с ней в руках и притащить ее домой. Теперь запахом Ольховского пропиталась не только я, но и моя спальня. Благо дедушка улетел на свою конференцию. А то пришлось бы объяснять, по-

чему моя комната так благоухает.

Закрываю глаза и стараюсь поменьше обращать внимания на запах вокруг, но каждый вдох настойчиво напоминает мне о сегодняшнем разговоре с Максимом.

Удивительно, но мой телефон молчит. Аноним777 не атакует его сообщениями. Вроде бы отличная новость, но слегкастораживающая. Ольховский сдался или решил, что мы будем играть в отношения? А если все же поиграть?

«А как?» – мысленно хмурюсь я, лежа с закрытыми глазами. Обниматься? Ходить за ручку? Или целоваться у всех на виду? Фу, нет! Только не с Ольховским!

Я открываю глаза и резко сажусь на кровати. И мой взгляд снова падает на зеленую толстовку. Надо убрать эту вонючку подальше. Отодвинув Зоську на другую сторону кровати, подрываюсь прямым к стулу с висящей на нем чужой вещью. Нахожу в шкафу первый попавшийся пакет и запикиваю туда толстовку Ольховского. Стараюсь не дышать, но сладковато-древесный запах все равно пробирается к моим рецепторам. Пакет тут же летит на самую дальнюю полку шкафа.

Только захлопнув его дверцы, перевожу дыхание. Но глазами натыкаюсь на нижний ящик. Мои руки сами тянутся к его ручке, а во мне зарождается противное чувство. Медленно выдвигаю ящик, в котором аккуратной стопочкой, завернутые в непрозрачный файл, лежат несколько десятков отскерокопированных листов. Их электронный вариант

я уже удалила из телефона, а вот живое доказательство моего пакостного поступка все еще на месте... Смотрю на матовый файл несколько секунд, а потом захлопываю ящик. Нет. Лучше их выбросить. Или сжечь!

Я возвращаюсь на кровать и заворачиваюсь в одеяло, как в кокон. Лишь на мгновение вытаскиваю из него руку, чтобы выключить ночник на прикроватной тумбочке. Моя спальня погружается в темноту, а я думаю о том, что всего лишь хотела как лучше. Причем не для собственной выгоды, для общей: моей и деда. А получилось как всегда...

Ну и еще в моей голове проскальзывает мысль: о какой такой мечте всей своей жизни говорил Ольховский? Пополнить список влюбленных в него дурочек до цифры миллион плюс один? Но сразу же одергиваю себя, переворачиваюсь на другой бок и строго приказываю самой себе: «Спать, Олеся! Спать!»

* * *

Я слишком рано радовалась молчанию своего телефона. С самого утра меня атакуют сообщения Анонима777.

Аноним777 [26.05. 09:00]: *«Я хочу увидеть твое" да"».*

Аноним777 [26.05. 09:15]: *«Нажми на втором ряду клавиатуры девятую и четвертую по счету буквы».*

Аноним777 [26.05. 09:33]: *«Ну поставь хотя бы*

плюсик».

И к одиннадцати часам дня я получаю около сотни подобных сообщений. Ольховский прислал мне пример слова «ДА» на десятках разных языков вплоть до чешского. Это чтобы я выбрала понравившийся.

Я стойко игнорировала его опусы, а заодно на всякий случай ходила по коридорам университета, включив режим пеленгации. Но, видимо, сегодня Максим решил не посещать стены нашей альма-матер. В отличие от Майер...

Я сталкиваюсь с рыжей и ее подружкой в проходе между столами в университетской столовой.

– О, какие люди! И без охраны! – Инга язвительно оглядывает меня и мой поднос с компотом и булкой.

– И тебе привет, – проговариваю сухо и собираюсь уже присесть за ближайший свободный стол.

Но Инге такого общения, кажется, недостаточно. Она склоняет голову и желчно сверкает глазами:

– А чего одна? Хотя зачем я спрашиваю? Ольховского же сейчас здесь нет, соответственно и преследовать тебе некого.

Майер и ее подружка одновременно издают мерзкий смешок, от которого у меня ком становится поперек горла. Дальше эти две модные особы так же одновременно разворачиваются, намереваясь уйти, но язык мой – враг мой. Потому что меня словно встряхивает от злости, а в груди нестерпимо жжет. Она меня достала! Я ставлю поднос с едой на стол и бросаю им в спины:

– Тебя действительно так задевает, что я могу общаться с ним?

Инга резко тормозит и поворачивается ко мне:

– Пф-ф. О чем ты, Синичкина? – Она насмешливо кривит нос. – О чем ты можешь с ним говорить?

– Да о чем угодно. Как и где мы проведем вечер, например. – «Молчи же!» – отчаянно сигналил мой мозг. Но ядовитое жжение в груди лишь усиливается, все быстрее распространяясь по венам, когда Инга смотрит на меня уже с жалостью.

– Ну хватит, Олесь. Не позорься. Не веди себя так, словно ты реально...

– ...его девушка? – проговариваю за нее быстрее, чем соображаю.

– Хочешь сказать, что ты и Максим?..

– Да.

В глазах Инги вспыхивает злоба. Майер шипит прямо в лицо:

– Если это так – докажи.

– Как? – показательно усмехаюсь я. – Взять с Макса письменную расписку?

– Послезавтра КВН. А потом все собираются отмечать за городом. Там будет много кого, в том числе и почти весь наш студсовет. Хотя, наверное, ты и так должна быть в курсе. Максик не любит пропускать тусовки, а значит, он... точнее, вы приедете. Да?

Взгляд Инги бегаёт по моему лицу, которое я пытаюсь держать, как могу.

– Планировали, – отвечаю, облизнув вдруг высохшие губы.

– Отлично. Вот и посмотрим, чмошная ты врушка или нет. И кстати, оденься попримечнее. – Майер резко дергает меня за рюшку кардигана, и я вздрагиваю. – Не позорь мальчика.

Откинув ярко-рыжие локоны за плечи и взяв под руку ухмыляющуюся подружку, Инга с гордо поднятой головой выходит из столовой. А я, не в силах больше стоять, плюхаюсь на стул. В ушах зашумело, а сердце забилось как сумасшедшее. Что я натворила? Я же влипла! Сама себя подставила! Может, догнать Ингу и сказать... А что ей сказать? Что я попалась на ее уловку и решила соврать? Тогда у нее будут все козыри и она может сгноить меня своими публичными издевками.

И Алекс... Что он может подумать, если услышит рассказы Инги про то, какая я лгунья, болтаю небылицы об отношениях с одним из самых популярных парней нашего университета? Алекс же точно решит, что я ненормальная! Сначала маячила перед ним, потом преследую другого... Боже мой...

А может, просто взять и заболеть? Притвориться простуженной и никуда не ехать? Прячу в ледяных ладонях свое пылающее лицо и кусаю до боли губы. Это какой-то тупик. Что мне теперь делать?

Ответ появляется сам. Телефон в заднем кармане джинсов вибрирует от пришедших на него нескольких сообщений. Какие-то считанные секунды все еще сижу без движения, уткнувшись лицом в ладони, и дышу как можно глубже. Потом лезу в карман за телефоном и сразу захожу в приложение «Зачета. нет». И в единственном чате с Анонимом777 пролистываю все не прочитанные за прошедшую пару сообщения и пишу ему свое – холодными пальцами, с сердцем, стучащим где-то в горле.

Аноним1301 [26.05. 14:32]: «Да».

Глава 8

Макс

– Чего ты сделал? – Тоха давится газировкой, отставляет стакан на журнальный столик и смотрит, как будто только что заметил меня сидящим на диване в своей квартире, хотя мы уже час рубимся в приставку.

Я протяжно вздыхаю и повторяю:

– Что слышал. На ближайшее время я буду занят фиктивными отношениями.

– За билеты и ответы на них?

– Ага.

– Ты что? Пересмотрел сериалов? – Тоха скептически кривится.

Я демонстративно цокаю языком и, закинув ноги прямо в джинсах на оттоманку возле дивана, перевожу взгляд на экран плазмы. Что бы он там понимал! Одно движение пальцев по джойстику – и мой персонаж наносит сокрушительный удар по виртуальному Тохе.

– Фаталити! – громко вскрикиваю, победно вскинув руки вверх. Но чувствую, что Антон, сидящий на противоположном углу дивана, все еще смотрит на меня слишком серьезно.

– Ну что? – Я хмурюсь и поворачиваюсь к другу.

– А попроще план нельзя было придумать? – Круглолицая бородатая морда Тохи не излучает оптимизма. – Купить, например, эти ответы. У нас вон пол-универа приторговывают курсовыми и лабораторными.

– Ты думаешь, я не пытался? Но она уперлась, и все, – недовольно произношу, одергивая свою футболку.

Эта идея с фиктивными отношениями пришла мне на ум спонтанно. Прямо в тот момент, когда мы стояли в актовом зале: я, Смирнов и Олеся.

Мы с Алексом действительно не особо друг друга перевариваем. Не заладилось у нас еще с игры в университетской команде по баскетболу. Приказ о его зачислении еще не вышел, а Смирнов уже прописался в нашей команде.

И уж очень ему захотелось занять мое место капитана. Пытался умничать сначала после матчей, а потом уже и во время. Все старался намекнуть тренеру, что я ничего не понимаю в этом спорте. А я, между прочим, помимо рисования комиксов еще и баскетболом увлекался со школы. Меня разбудил среди ночи – назову без запинки пятьдесят лучших игроков в истории НБА. Мои команды во время игры порой специально игнорировались Смирновым, сбивая всю мою выстроенную тактику. Иногда это приводило к проигрышам. Но однажды мое терпение лопнуло. После одного из матчей я в раздевалке вежливо попросил Алекса больше не пытаться тянуть одеяло на себя. Ведь капитаном был я. На что он так же вежливо, но матом указал, куда бы мне схо-

дить прогуляться. И у меня как планку сорвало. Мы устроили потасовку в раздевалке, а разнимал нас тренер, который как раз и застал тот самый момент, когда именно мой кулак первый проехался по носу блондинчика.

Алекс стал жертвой, а я – зачинщиком драки. А с драками у нашего тренера все серьезно. С того момента я больше не капитан нашей университетской сборной. Да и черт с этим. Нужно же во всем искать плюсы! С тех пор у меня стало гораздо больше времени, чтобы оттачивать свои навыки в американской технике рисования комиксов и готовиться по приезду в Калифорнию затмить всех моих будущих конкурентов. Я же должен доказать отцу, что мое хобби – это не блажь и оно чего-то стоит. И что деньги могут приносить не только сухие цифры и формулы, но и красочные изображения супергероев, выполненные кропотливо и с любовью к деталям.

Только вот Алекс далеко не супергерой. После того как стал капитаном в университетской команде баскетбола, ходит гордый, как павлин. Ведь он добился своего. Но мое мнение непоколебимо. Смирнов – мерзкий и очень заносчивый тип. У Синичкиной вроде бы и глаза огромные, а в упор этого не видит. Чего она в нем нашла-то? А я вот заметил, как Алекс изумленно тарасился на Олесю и на меня тогда в актовом зале... И каким щенячьим взглядом смотрела Леся на Алекса. Фу! Было мерзко, но зато я сразу понял, как можно надавить на Синичкину.

– Так если бы ты меня назвал стремным, я б тебя вообще послал в пешее эротическое, – басом гогочет Тоха, развалившись на диване. – Ты хоть покажи эту Олесю. Кто это вообще? Страничка в соцсетях есть?

Хмыкаю. Страничка в соцсетях? Да у меня даже номера ее нет. Так и общаемся анонимами в чате приложения. Хотя... Я откладываю джойстик и тянусь к телефону, лежащему на подлокотнике. Парочка мгновений – и в браузере на экране грузится сайт нашего университета со страницей состава студенческого совета.

– Вот, смотри, – протягиваю Антохе свой телефон. – Олеся Синичкина.

Друг с неподдельным интересом забирает себе мой мобильный и смотрит на экран. Его блондинистые брови сначала сходятся у переносицы, а потом он давится от подступающего смеха.

– Извини, брат. Если я увижу вас вместе, то буду ржать...

– Да чего ржать-то? – Я выхватываю свой телефон из рук Тохи и сам утыкаюсь глазами в экран.

Среди не особо знакомых мне ботаников нахожу Синичкину. И мгновенно сникаю. М-да... Как-то печально, потому что на фото до жути прилизанный хвост, бледное лицо и ужасная водолазка в крупный горох. Но все же имеются цепляющие кристально-голубые глаза. Огромные и широко распахнутые, с темной линией ресниц...

– Нет, – качаю я головой, – нельзя назвать Синичкину

прям страшилой. Она просто... ну...

– Стремная! – отчеканивает Тоха.

– Ну тебя! – Психую и откидываю телефон в сторону. – Если одеть ее, причесать там, тушь, губы и всякая прочая бабская ерунда. Нет некрасивых девушек, есть недофинансированные.

– И ты прям одежды ей купишь? В салон красоты поведешь? А потом будешь по универу с ней под ручку щеголять?

– Тох, – я включаю свою серьезность на максималку и смотрю на друга исподлобья, – с пересдачи у Гольцмана еще никто не выходил живым. Он отчисляет всех, а от его экзамена зависит мое будущее. Я отдам этот дурацкий диплом отцу, и он наконец выполнит то, что обещал. Так что, если мне надо будет ради этого пройтись пару раз с неизвестной ботаничкой за ручку, я это сделаю.

– А тебя не смущает, что эта Олеся – первокурсница и даже не с твоей специальности, но у нее есть ответы на Гольцмана?

Задумываюсь, потирая подбородок пальцами:

– Согласен, это странно, но они у нее действительно есть. Так что пусть она их хоть с Луны достала.

А она их реально откуда-то достала. Когда Олеся скинула мне свое «да», я для подстраховки все же попросил подтвердить наличие у нее того, что мне нужно. И вечером получил фото парочки билетов с ответами. Так что все честно. Я примеряю роль ее парня, она должна спасти меня от

«неуда». А откуда билеты, я могу выяснить у Синичкиной и по ходу дела.

– И когда ты заступаешь на пост парня ботанички? – продолжает ерничать Тоха.

– Завтра, – тяну тоскливо. – У них там какая-то вечеринка после КВН. И я поеду с ней.

– Я бы хотел на это посмотреть. – Друг уже вовсю ржет, а я бешусь.

Хватаю диванную подушку и с размаху запускаю ее в бородатое лицо Антона. Получив по морде, ржущий Тоха собирается совершить ответный бросок в мою сторону, но трель дверного звонка прерывает его планы.

– О, пицца подоспела. – Он, пританцовывая и косо поглядывая на меня, выплывает из гостиной в коридор.

А я растекаюсь по дивану, широко раскинув руки по его спинке. Несколько секунд без каких-либо мыслей рассматриваю споты на потолке, а потом возвращаю взгляд на свой телефон, лежащий возле меня незаблокированным экраном вверх. На нем по-прежнему светится фото Синичкиной. Тянусь к мобильному и зачем-то озираюсь, прежде чем сделать это. И пока Антон о чем-то там болтает с курьером, я увеличиваю пальцами изображение на экране. Задумчиво кусаю губы, когда рассматриваю в упор фото Олеси.

Нет. Она не уродина, но ей чего-то не хватает. И не могу понять чего, когда изучающе скольжу взглядом по девичьим чертам лица. Может, дело в густых бесформенных бро-

вах? Или в бледных обветренных губах, которые почти сливаются с таким же бледным цветом кожи? Даже немного торчащие уши не делают Синичкину каким-то уродцем. Олесья просто... никакая, что ли? Единственное, что хоть как-то выделяется в ее незаметной внешности, – глаза. Большие глаза. И даже с экрана смартфона она смотрит пронзительно, и я понимаю, что не могу отвести от них взгляд... Возвращение Тохи в гостиную ощущаю, лишь получив пинок по ногам.

– Хватит зависать в телефоне, – требует друг, неся в руках две коробки с пиццей.

Я встряхиваю головой с каким-то неясным чувством в груди. Блокирую телефон, откидываю его в сторону, со вздохом взъерошивая волосы ладонью. Ладно, Синичкина. Немного поиграем...

Глава 9

Леся

– Гриб.

– Батат.

– Тютина. Тебе на «а», – заявляю я, взглянув на Бо.

Вальяжно развалившись на моей кровати, он смотрит в потолок. А я продолжаю наблюдать за Богданом. Ведь пока я поливаю цветы на подоконнике, он может полезть за подсказкой в интернет. И еще стараюсь не выдать свое нервное настроение, потому что сегодня должен состояться мой выход в свет с Ольховским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.